

Помнишь, как шел
Ошалелый паяц
Перед шеренгой
На аппельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере -
Мертвые в пляс.

ТУМ БАЛАЛАЙКА

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки -
среди пепла!

Все ли о том спето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

антифашистская газета
вольных ежей

январь - март 1999 г.

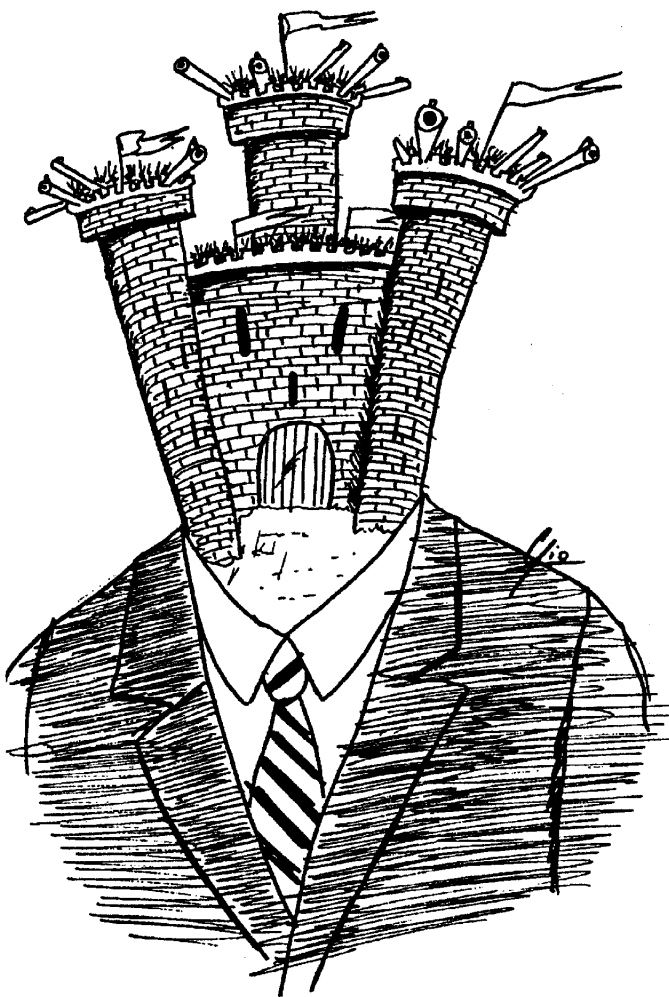
N 11

А. Галич

СОЗНАНИЕ НАЦИОНАЛИСТА - ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ В ВООБРАЖАЕМОЙ ВОЙНЕ С «ЧУЖИМИ»

В номере:

Национализм как вопрос политической практики	с. 2-4
Предыстория национализма	с. 5-7
О разном	с. 7-8
В лоб или по лбу? «Патриотизм» и «национализм» в современной России	с. 8-10
Национализм глазами эсперантиста	с. 10-11
«Коричневая харя из-под красного знамени»	с. 12-13
Белорусское национальное движение: мифы и реальность	с. 14-15
Коричневые в Беларуси	с. 16
Этнополитическая ситуация в Молдове	с. 17-18
Размышления серского студента	с. 18-19
Рабочая партия Курдистана и кураский национальный вопрос	с. 20-21
В Красном Селе воздвигнут памятник эсэсовцам	с. 22-23
«Террорист»: преступник или жертва?	с. 23-24
Из истории Сопротивления В знак протеста!	с. 24-25
Tractatus "On Laibach"	с. 26-27
Кинохроника «Невинный»	с. 28-29
Книжкино ревю	с. 30-31
Памяти Э. С. Менделевича	с. 32

Некоторые статьи этого номера очевидно противоречат друг другу. Мы предоставляем читателю возможность самому разобраться в многообразии идей и мнений, высказанных на страницах газеты, и сделать вывод о том, кто из наших авторов ближе к истине. Проблема национализма не знает простых решений; людей, вовлеченных в межнациональные конфликты, как правило, трудно однозначно разделить на правых и виноватых. Поэтому прежде, чем решать, с кем мы и против кого, нужно найти ответ на вопрос, за что мы боремся и чего не приемлем. Может быть, тогда станет ясно, что националистические предрассудки - это грозные бастионы, которые люди возводят против самих себя.

Национализм как вопрос политической практики

О проблеме наций и национализма написаны сотни книг, авторы которых если в чем-то и согласны друг с другом, то только в том, что современная наука до сих пор не смогла разработать сколько-нибудь удовлетворительной теории нации. Существование наций, этих «воображаемых сообществ», в значительной степени определяет формы жизни современного человечества, и вместе с тем люди очень плохо понимают, когда и как возникли нации, какие механизмы определяют значимость национального фактора в нынешнюю эпоху, каково будущее наций, национальных государств и национализма. Поэтому задача, которую мы ставим перед собой в этой статье, состоит в том, чтобы наметить пути ответа лишь на один вопрос, наиболее важный с точки зрения политической практики: как нам следует относиться к националистическим движениям и идеологиям?

Такая постановка задачи избавит нас от необходимости давать определения этноса и нации, каждому из которых нужно было бы посвятить отдельную статью. Опираясь на знания и представления, уже имеющиеся у наших читателей, мы постараемся лишь внести некоторые уточнения. Прежде всего, подчеркнем наше несогласие с теми, кто, подобно С. Широкогову и Л. Гумилеву, пытается доказать биологическую природу этничности. Коллективный инстинкт, стремление к отделению «своих» от «чужих» действительно являются одним из неотъемлемых качеств человека как общественного животного. Однако такое сложное явление, как этническое самосознание, формируется уже на сравнительно поздних этапах человеческой истории, когда происходит переход от родоплеменных к территориальным формам существования общества и развивается его структура. Именно самосознание является главным критерием, позволяющим отличить один этнос от другого. Этническое самосознание индивида формируется под воздействием социальных, а не биологических механизмов: ребенок, выросший в немецкой семье, становится немцем, даже если он приемыш, а его биологические родители – итальянцы. Разумеется, некоторые биологические признаки – например, темный цвет кожи – могут помешать становлению «полноценного» этнического самосознания, но только в том случае, когда они имеют социальное значение. Если в нашем примере биологическими родителями ребенка будут не итальянцы, а йоруба, то он, живя в сегодняшней Германии, почти наверняка будет сознавать свою «инаковость» через призму отношения к нему окружающих и его этническое самосознание будет неоднозначным (те, кто смотрел фильм «Не валяй дурака», могут вспомнить одного из героев – мулата Васю, живущего в русской деревне). Однако трудно себе представить, чтобы сын немки и немца, выросший в Германии, вдруг оказался итальянцем: даже если предположить, что взрослый «чистокровный» немец захочет поиграть в такую игру и даже уедет в Италию, пройдет много лет, прежде чем он перестанет в глубине души ощущать некоторую отчужденность и сделается итальянцем в глазах окружающих. Таким образом, этническое самосознание – это объективная социальная категория, не зависящая от воли каждого конкретного человека.

Общим для нации и этноса является то, что это абстрактные сообщества: каждый из нас на протяжении всей своей жизни имеет шанс столкнуться лицом к лицу лишь с ничтожно малой частью народа, к которому мы принадлежим, но что-то общее всегда есть между мною и даже совершенно незнакомым земляком (особенно если мы встречаемся вдали от родных мест). В то же время эта абстрактная общность всегда проявляется в совершенно конкретных вещах. Этнические различия могут выражаться в языке (в большинстве случаев, но не всегда – вспомним хрестоматийные примеры английского, испанского, французского языков, на которых говорят самые разные народы), в религии, в манере кивать головой, в

покрое штанов, в гастрономических предпочтениях и т. д. Однако ни один из этих признаков не является определяющим. Русские славятся гостеприимством и склонностью к пьянству, а украинцев считают обожателями сала. Эти мифы, наверное, в какой-то мере соотносятся с реальностью, но совершенно очевидно, что среди русских достаточно много непьющих людей и что многие украинцы сегодня вполне по-американски избегают холестерина и потому считают сало отравой. Значение названных культурных особенностей, как и любых других, определяется в первую очередь тем, что мы в силу различных причин обращаем на них внимание, увязывая их с понятием этничности (даже, возможно, не зная этого слова). Они в той или иной мере формируют наше представление о себе и о других людях, но ни одна из тысяч характерных особенностей культуры того или иного этноса, описанных этнографами, не может быть выделена как ключевая, и большинство из них интересуют только специалистов. В конечном итоге этническое самосознание выступает как единственная реальная форма существования этничности, по отношению к которой все культурные особенности вторичны.

Нация, в отличие от этноса, – это категория в первую очередь политическая и экономическая, и представления об этнической, исторической и культурно-языковой общности играют в национальном самосознании лишь второстепенную роль. Почти все нации в той или иной степени полиэтничны (характернейший пример – американцы); случается, что представители одного этноса оказываются членами нескольких наций (азербайджанцы живут также в Иране, а немцы – в России и Казахстане). Нация возникает тогда, когда встает вопрос о власти на определенной территории, и уже само признание за какой-то группой людей права называться нацией имеет далеко идущие политические последствия. Те конкретные явления, через которые проявляется абстракция нации, также имеют политическое значение: национальный флаг и гимн, монументы и праздники, наконец, призывы отдать жизнь «за Родину» – все это имеет непосредственное отношение к вопросу о власти. Важнейшее следствие состоит в том, что национальное самосознание, в отличие от этнического, гораздо легче поддается целенаправленному манипулированию.

В сущности, любое употребление символа нации в политических целях и есть национализм. Однако, чтобы не углубляться в дебри политической семантики, в данной статье мы будем использовать более ограниченное определение национализма, данное Эрнестом Геллнером. По его словам, национализм – это «политический принцип, суть которого состоит в том, что политические и национальные единицы должны совпадать»: каждая нация должна иметь свое собственное государство или хотя бы автономию в рамках другого государства, в одном государстве должны обитать преимущественно люди, принадлежащие к одной нации. Эта формулировка оставляет вне сферы нашего внимания лишь очень немногие и весьма специфические разновидности национализма, к большинству которых этот термин можно применять только с оговорками. Например, цыганский (рома/синти) национализм, вероятно, все-таки существует: хотя цыганские националисты не стремятся к созданию собственного государства или автономной территории, они используют понятие нации, выдвигая политические требования в борьбе за право цыганского народа на культурную самобытность. С другой стороны, едва ли можно говорить о «неевропейском» или «досовременном» национализме. Национализм – это продукт современного западного общества, формирование которого началось примерно в XV–XVI веках и которое сейчас, возможно, находится в стадии радикальной трансформации. Понятие нации в его современной форме выдвигается на первый план Великой французской революцией. В 1789 году Декларация

прав человека и гражданина провозгласила **национальный суверенитет** в противовес суверенитету монарха. Таким образом, в современном языке понятие нации неразрывно связано с понятием государства. Даже цыганские националисты вынуждены адресовать свои требования в первую очередь тем государствам, на территории которых живут цыгане.

Национализм в странах третьего мира, несмотря на всю его специфику, возникает только в результате модернизации, перестройки традиционного общества по западным образцам, навязанной другим народам европейцами в колониальную эпоху. Нужно отдавать себе отчет в том, что, называя какое-либо движение националистическим, мы немедленно вписываем его в нашу собственную систему понятий. Весьма вероятно, что в Африке южнее Сахары или в Юго-Восточной Азии происходили и происходят некие общественно значимые этни-

ческие процессы, участники которых не предъявляют никаких требований государству. Наверное, о многих подобных явлениях мы не имеем и не можем иметь ни малейшего понятия, в нашем языке просто не существует слов для их описания. Но чаще всего известный нам национализм в странах третьего мира ориентирован на пришедшие с Запада (или, точнее, с Севера) понятия о власти, территориальности и государстве. К явлениям иного рода, если мы о них и знаем, лучше все-таки не при-менять этот термин.

Мы также оставляем за рамками обсуждения так называемый этнонационализм, исповедующий формулу «одно государство – один

этнос» и поощряющий этнические чистки. Эта идеология представляет собой разновидность расизма; любой читатель «Тум-балалайки» без труда определит свое к ней отношение. В отличие от расистов, «обычные» националисты готовы терпимо относиться к представителям других этносов до тех пор, пока те не выдвигают политических требований и, таким образом, не начинают претендовать на статус нации.

Термин «национализм», даже в пределах уже данного нами определения, может иметь различную эмоциональную окраску. Националистами часто называют не просто сторонников национально-государственного самоуправления, но тех из них, кто при этом выступает за насильственные методы, проповедуя идеи национального превосходства, нетерпимости к людям других национальностей. Иногда считают также, что национализму в таком значении этого слова противопоставит патриотизм как «мирная» любовь к своей стране и преданность своему государству.

Возможно также расширенное, нейтральное истолкование термина: в такой трактовке он применим как к борцам за освобождение от национального гнета, так и к их противникам, цель которых – интеграция, ассимиляция или даже уничтожение «инородцев». Мы в рамках данной статьи употребляем термин во втором – нейтральном – значении. Границу между агрессивным национализмом и его более демократичными вариантами провести достаточно сложно, тем более что представители национально-освободительных движений очень часто сами называют себя националистами. Разница между «национализмом угнетенных» и «национализмом угнетателей» состоит в том, что первые стараются утвердить за своим локальным сообществом право называться нацией, а вторые это право отрицают или по крайней мере отказываются «угнетенной» нации в праве на политическую автономию. Однако при этом и те и другие придерживаются одного образа мысли, остаются в рамках националистического дискурса. Нацио-

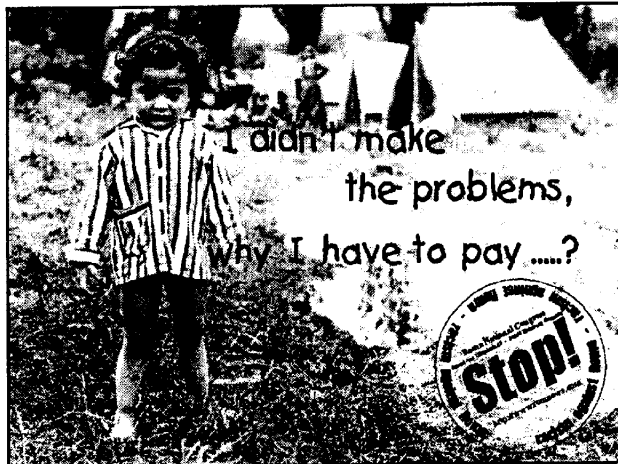
нально-освободительные движения, стремящиеся к созданию собственного государства, слишком часто злоупотребляют национальной риторикой, пропагандируя ненависть к своим угнетателям как к нации. Если они добиваются успеха, то на подконтрольной им территории начинают подвергаться притеснениям представители бывшей господствующей национальности. Примером может служить ситуация в Косово: при всем нашем уважении к борьбе косовских албанцев против войск Милошевича, положение сербского меньшинства в этом крае, пожалуй, еще более трагично.

Однако нельзя и отказывать национально-освободительным движениям в поддержке, впадая в чистоплюйство и раздражаясь сентенциями вроде «чума на оба ваши дома». Решение, на наш взгляд, состоит в том, что рассуждения о межнациональных отношениях необходимо вести в более широком контексте, не замыкаясь в рамках дискуссий о национализме. Вопрос о самоопределении наций – это фактически вопрос о демократии, причем демократия здесь понимается в самом широком смысле: как идеал общественного устройства, разделяемый всеми симпатичными нам политическими идеологиями – от классических либералов до анархистов.

Можно сказать, что демократия – это **самоуправление сообществ** при условии защиты прав и свобод меньшинств. Важнейший момент состоит в том, что **сообщество** в данном случае нельзя определять априори, вне исторического контекста. Единственный возможный критерий здесь – это самоидентификация членов предполагаемого сообщества.

Допустим, в 1871 году город Васюки, подавляющее большинство жителей которого считали себя васюкинцами, был насильственно присоединен к Поволжской республике. Всем васюкинцам было объявлено, что они на самом деле всегда были «волжанами» и теперь могут, наконец, воссоединиться с поволжским народом. Права городского совета были сильно урезаны, и многие актуальные для васюкинцев вопросы решались теперь в столичном городе Поволжье. Фактически перед васюкинцами теперь открылось два пути. Они могли признать себя волжанами, свою историю – частью поволжской истории, а власть поволжского Народного собрания – законной властью. В таком случае васюкинское сообщество действительно стало бы частью более крупного поволжского сообщества, и Поволжскую республику можно было бы назвать демократической. Правда, для этого должны были бы выполняться еще два условия: чтобы поволжское сообщество было самоуправляющимся (как понимать самоуправление – предмет совсем другой статьи) и чтобы даже тех немногих, кто продолжал считать себя васюкинцами, не сажали в погреб, а позволяли бы им носить традиционную васюкинскую косоворотку и организовывать кружки по изучению истории Васюков.

С другой стороны, васюкинцы могли встать на путь борьбы с «захватчиками», настаивая на своей васюкинской идентичности, – и тогда мы стали бы говорить о васюкинском национально-освободительном движении. Однако даже если бы в 1870-е годы они выбрали первый путь, весьма возможно, что в 70-80-е годы нашего века мы все равно стали бы свидетелями васюкинского «национального возрождения», которое привело бы к росту васюкинского сепаратизма. Выяснилось бы, что усилия носителей косовороток и организаторов краеведческих кружков не прошли даром: поволжское сообщество раскололось. Управление делами Васюков из Поволжья, которое предыдущему поколению васюкинцев казалось чем-то само

«Не я создавал проблемы – почему мне приходится расплачиваться?»
Плакат Национального конгресса рома

собой разумеющимся, вдруг стало восприниматься как чужеземное господство, и васюкинцы стали бороться за независимость от Поволжской республики. Если при этом мы имеем дело с действительно массовым движением, а не с пропагандистской кампанией, организованной влиятельным меньшинством, то борьба васюкинцев должна вызывать у нас сочувствие наравне с другими демократическими движениями, хотя отдельные лозунги могут подвергаться справедливой критике.

Нужно ли говорить, что реальная история изобилует примерами подобного рода, где присутствуют все обозначенные варианты? Большинство образованных фламандцев до середины XIX века в политическом отношении считали себя бельгийцами и потому не возражали против господства французского языка в политической, экономической жизни и «высокой» культуре. В сегодняшней Бельгии взаимные претензии фламандцев и валлонов примирить уже, видимо, невозможно, и бывшее унитарное государство, ставшее к 1993 году федерацией, медленно но верно движется к распаду. После завоевания турками-османами Балканского полуострова в XIV–XV веках одни группы местного населения приняли ислам и заняли вследствие этого привилегированное положение, другие пытались сохранить свою культуру в неприкосновенности и периодически восставали против завоевателей. После образования независимых балканских государств на протяжении двух последних веков мусульмане оказывались дискриминируемыми меньшинствами почти повсюду на Балканах.

В то же время в современную эпоху ситуация становится еще более запутанной. Среди сообществ, стремящихся к самоуправлению, появляются новые этнические группы, не связанные с определенной территорией, или даже движения, вообще не имеющие этнической базы. Разного рода субкультуры, вроде сквотеров, анархофеминисток или хулиганов-мотоциклистов, едва ли можно назвать «субэтносами», но стремление к автономии, к независимости от общества и от существующих в нем властных структур является их характерным качеством. Считать эти движения националистическими или даже сепаратистскими, конечно, невозможно: они не претендуют ни на формирование собственного государства, ни на территориальную обособленность – они хотят жить среди прочих людей, но по своим собственным законам. Однако их существование ставит, с точки зрения демократической теории, ту же самую проблему, что и существование сепаратистских движений.

Понятие сообщества подразумевает чувство *солидарности* его членов по отношению друг к другу. Сегодня, когда категория нации становится в сознании людей все более проблематичной, групповая солидарность зачастую куда более значима, чем солидарность национальная. В результате нация начинает распадаться на сообщества, основанные на иных, не этнических и не территориальных, признаках, – сообщества иногда более абстрактные, объединяемые общей идеей, иногда локальные, состоящие, например, из жителей одного городка. Авторы статьи о поколении *twenty-nothing* Том Фрэнк и Кейт Уайт (см. первый номер журнала «Утопия») приводят очень характерную цитату из Дж. Дос Пассоса, который говорит о «потерянном поколении» в Америке межвоенных лет: «на самом деле мы два разных *народов*». Помимо разного рода автономистских субкультур и транснациональных политических движений, можно вспомнить и о территориях, на которых размещают или собираются размещать «грязные» производства, – вроде рязанского Касимова. Жители этих мест не позволяют себя обмануть с помощью абстракций («государственная необходимость» и т. п.) и борются за решение локальных, конкретных проблем. Во всех подобных случаях – от этнического сепаратизма до политического автономизма – так называемые «общественные интересы» становятся для этих людей чужими, а значит, и власть, настаивающая на своей обязанности защищать интересы нации в целом, тоже воспринимается как чуждая, угнетающая и подав-

Политическая география Европы. Рисунок неизвестного итальянского художника третьей четверти XIX века

ляющая. Там, где нет сообщества (или, если хотите, общности интересов), не может быть демократии.

Теперь становится очевидной фатальная ограниченность национализма, который в своих амбициях замкнут рамками территориального государства и часто настаивает на правах народов в ущерб правам отдельного человека. Мало того, что единый этнос может за короткое время расколоться на несколько, – выясняется к тому же, что борьба за политическую автономию может не иметь ни этнической, ни территориальной базы. Современная представительная демократия, сталкиваясь с растущей неоднородностью общества, заходит в тупик. Да и само понятие общества становится проблематичным: его все еще по старинке отождествляют с нацией, а оно между тем распадается на совокупность сообществ, каждое из которых существует независимо от национально-государственных границ и часто вне связи с какими бы то ни было территориями. Фрагментация общества, о которой часто с тревогой пишут политологи и социологи, может рассматриваться просто как новый вариант консолидации, происходящей помимо территориального государства. Дело осложняется еще и тем, что новые сообщества не имеют четких границ: гражданин может быть одновременно и членом профсоюза, и представителем этнического меньшинства, и участником «Гринпис», и жителем маленького загазованного городка, и сквотером, и – страшно подумать! – феминисткой. При этом он(а) может проявлять солидарность со всеми этими группами и выбирать различные варианты самоидентификации в зависимости от контекста.

Эти тенденции не следует абсолютизировать: слухи о смерти нации и национального государства уже не раз оказывались сильно преувеличенными. Национальное самосознание остается одним из фундаментальных фактов жизни человека в обществе. Но если наша цель – свобода и самоопределение личности, то вопрос об отношении к национализму для нас – это вопрос политической тактики, а не стратегии. Националистические движения, стоящие на демократических позициях и добивающиеся национального освобождения, следует поддерживать, с ними можно сотрудничать в их борьбе против авторитаризма и эксплуатации – например, против режима Лукашенко или против транснациональных корпораций, разрушающих среду обитания малых народов. Вместе с тем в идеологическом отношении нужно соблюдать дистанцию от националистов, даже если это наши политические союзники. Многообразие мира не сводится к многообразию наций и этносов, и защита прав народов – это лишь небольшая часть битвы за права человека. Национализм не хорош и не плох сам по себе, это историческое явление, которое сыграло свою роль в истории человечества и представляет собой скорее наследие прошлого, чем рецепт на будущее.

Предыстория национализма

Пессимист – это человек, который полагает, что переход от обезьяны к человеку уже завершен. Я – оптимист.

Т. И. Ойзерман «Мысли, афоризмы»

На протяжении веков психика человека (душа) мыслилась как арена деятельности неких внешних для него сил: духов, богов, которые и определяли его поведение, позитивное (для него самого или для его окружения) или негативное. Зороастризм, а впоследствии и манихейство представили ее полем деятельности воплощенных в Боге (Ахурамазде) и его противнике дьяволе (Акримане) добра и зла. Эта точка зрения в той или иной форме проникла и в монотеистические религии, в которых Бог, всемогущий основатель и руководитель мира, зачастую оказывается бессильным перед кознями Дьявола. Особая отрасль теологического знания – теодицея (оправдание Бога) – пытается доказать, что существование в мире зла не противоречит религиозным представлениям о Боге как об абсолютном добре.

Эпоха Просвещения не внесла в эти представления ничего нового, хотя наиболее крайние ее идеологи вообще отрицали существование и того и другого, поставив на место Дьявола испорченный «свет» (традиции, государство, собственность), а на место Бога – разумного, не испорченного «светом» воспитателя. (Слово «свет» заменило канонического Люцифера, имя которого в переводе есть «светоносец»).

Психика человека была представлена как *tabula rasa* – чистая доска, на которой воспитание (просвещение) может написать все, что угодно. Наиболее полно эту точку зрения выразил Маркс: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Это было время оптимистических надежд, которым, увы, не суждено было оправдаться. Говоря словами И. Ильфа, «с изобретением радио мыслилось счастье человечества; вот радио есть, а счастья нет».

Идею «чистой доски» поставили под серьезное сомнение сочинения З. Фрейда, а затем и К. Юнга. «Архетипы, – писал Юнг, – представляют собой системы установок, являющихся одновременно и образами, и эмоциями. Они передаются по наследству вместе со структурой мозга, более того, они являются ее психическим аспектом. С одной стороны, они формируют чрезвычайно сильное инстинктивное предубеждение, с другой – являются самым действенным подспорьем в процессе инстинктивного приспособления».

Любую психическую реакцию, несоразмерную с вызвавшей ее причиной, необходимо исследовать относительно того, не была ли она обусловлена в то же время и архетипом».

На заре своей истории человек не противопоставлял себя иным представителям животного мира. Поэтому нет ничего удивительного в том, что улей или муравейник мыслился государством с законами, иной раз превосходящими человеческие, а подданные таких государств казались людям не менее, а то и более разумными, чем они сами. Удивительно, что подобная точка зрения сохранилась почти до конца прошлого века, пока французский энтомолог А. Фабр не доказал, что действия насекомых почти целиком сводятся к реализации некоей наследственной (генотипической) программы. Этот, инстинктивный, способ поведения был противопоставлен разумному поведению *homo sapiens*, что позволило апологетам человеческой гордыни взять реванш после победы дарвиновской теории.

Однако очень скоро начали накапливаться факты, свидетельствующие о том, что и на этом рубеже позиция тех, кто пытался провести абсолютную границу между человеком и животными, достаточно уязвима.

Волки во время загонной охоты проявляют явные признаки рассудочного поведения, т. е. умения выбирать те действия,

которые в данных конкретных условиях приводят каждого из них и всю стаю в целом к достижению цели. С другой стороны, человек, свободный в выборе способов достижения своих целей, как оказалось, далеко не свободен в процессе целеполагания, в своих мотивациях – побуждениях, вызывающих соответствующие эмоции и через них активность и направленность деятельности.

В случае анализа мотиваций следует допустить, что все они в конечном итоге имеют биологическую, генетическую природу и, как я попытаюсь доказать далее, социальные формы проявления. В контексте этой статьи нас будет интересовать прежде всего территориальное поведение животных, которое можно рассматривать как с точки зрения защиты экологической ниши особи или стада, расширения, если вопрос идет о виде, так и с точки зрения сохранения и сплочения стада или группы.

С точки зрения вида территориальность сводится к тому, что аутсайдеры, вытесняемые из своего ареала, вынуждены отправляться на поиски новых мест, что ведет к территориальной экспансии вида. Таким образом популяция может регулировать свою численность, не позволяя аутсайдерам занимать гнездовые участки и приносить потомство и тем самым избегая перенаселения и тотального голода, одинаково опасного как для доминирующих животных, так и для подчиненных.

У некоторых видов муравьев весной, когда насекомые вновь осваивают свои владения после зимовки, нередко вспыхивают «пограничные конфликты», в которых участвуют многие тысячи муравьев. В это время происходит «передел» охотничьих угодий: ослабевшие за зиму колонии уступают часть территории более многочисленным соседям. Причина таких войн кроется в «продовольственной проблеме», встающей перед муравьями ранней весной. Постепенно муравьиные войны сменяются мирным сосуществованием, и все лето вмешательство в дела соседей практически не наблюдается.

Перейдем, однако, от муравьев к ближайшим «веселым товарищам буйной юности» человека – приматам, к наиболее близкому нашему родственнику – шимпанзе. Стадо у шимпанзе представляет собой рыхло организованное сообщество знакомых друг с другом особей, отношения между которыми держатся на весьма миролюбивых высокоперсонализированных связях. Участки обитания соседних стад велики и широко перекрываются. Иногда возможны случаи враждебных отношений между животными из разных группировок. Как и другие обезьяны, шимпанзе пасутся на обширной площади, а для ночевки выбирают деревья, на которых чувствуют себя в большей безопасности.

Как показывают наблюдения за гиенами, эти животные объединяются в кланы, включающие до сотни особей. Их место обитания разделяется на ряд территорий, принадлежащих разным кланам, каждый из которых регулярно патрулирует свои границы, помечая их запахом. На пограничной территории нередко происходят достаточно кровавые столкновения между кланами, причем чем ниже ранг животного, тем более безнаказанно оно может пересекать такую границу. Такое же поведение, при том что их стаи гораздо меньше, демонстрируют и волки. Основу структуры популяции волков составляет семья-стая, занимающая строго фиксированные участки обитания, в использовании которых проявляется гнездовой консерватизм и стереотипность территориального поведения. Отношения между членами семьи-стаи и пришлыми зверями базируются на доминирующей роли хозяина участка.

Символическая оппозиция «свое – чужое», таким образом, очень важна для нашей темы. Впечатления раннего детства, когда животное находится в безопасности (более символической, нежели реальной), у тех, кто выжил, сохраняются на всю жизнь, в результате чего объекты, связанные с воспоминаниями раннего детства, и в дальнейшем становятся символами безопасности.

«Свои» для стадного животного те, чье поведение для него предсказуемо и, следовательно, относительно безопасно, те, кто будет защищать его в межгрупповых конфликтах и в случае нападения хищника, и те, кого оно будет защищать в подобной ситуации. Все остальные – «чужие».

И здесь мы должны покинуть область биологии. Как известно, символ далеко не однозначно соотносится с обозначаемым явлением, и никогда его значение не может быть выражено полностью посредством языка. Поэтому символика «своих», хотя и имеет явно семейный оттенок – от мафиозных «семей» до «всемирного братства трудящихся», от «отца» (царя, командира, Сталина) до сталинских же знаменитых «братьев и сестер», – в реальной жизни распространяет соответствующее эмоциональное восприятие на любой круг людей. Однако, вопреки исторической очевидности, всякий национализм апеллирует прежде всего к кровному (на современном псевдонаучном языке – «генетическому») родству «своих».

Кровнородственная символическая связь противопоставляется дескриптивно сообществу чужих между собой людей, заключивших взаимовыгодный договор. Как правило, оказывается, что правитель, получивший отцовские права, вовсе не питает соответствующих эмоций по отношению к своим подданным. Но чем более широкими и менее обоснованными оказываются репрессии, тем большее количество людей искренне обожествляет такого «отца». В этом случае срабатывает психологическая защита от страха перед этим самым «отцом»: бьют только чужих, которых не жалко. Я – «свой», следовательно, мне бояться нечего. (Предположение, что власти просто наплевать на судьбы своих подданных, слишком страшно, чтобы допустить его в сознание). Впрочем, если значительная часть населения рассматривает государство и власть как внешнюю среду, которую можно и нужно приспособлять к своим интересам, мифологеме «семья» в данном случае не оказывается места.

Как мы видим, реальное воплощение оппозиции «свои – чужие» каждый раз определяется социальными или историческими факторами, но эмоциональное восприятие этого противопоставления имеет биологическую природу. Социализация биологических мотиваций происходит в процессе символизации как их самих, так и феноменов окружающего мира.

Точно такое же значение, как и окружение, приобретает для молодого животного тот участок земли, где оно родилось и провело свое детство. Отсюда мифологема Матери-Земли (Родины, Отечества).

На своей территории животное лучше ориентируется, знает возможные убежища, следы, постоянные метки совладельцев и поэтому ведет себя гораздо смелее, нежели пришельцы. Если под термином «сакральное» понимать не некие мистические свойства, а явления, вызывающие повышенную эмоциональную реакцию, то можно утверждать, что территория для ее «хозяев» является сакральной, так как в случае нападения (совершаемого представителем того же вида) обороняется с гораздо большей яростью, чем в случае конф-

ликта за ее пределами; «агрессор» принимает это во внимание и ведет себя тем более осторожно, чем дальше он проникает в глубь чужой территории. Территориальное поведение вовсе не исключает появления на ней чужаков, однако попытка «гостя» принять позу доминирования немедленно вызывает агрессию со стороны хозяев.

Анализируя отношение к пространству у древних скандинавов, А. Я. Гуревич замечает: «Место жительства настолько прочно «срослось» с его обитателем, что одно не мыслится без другого, полное имя человека состоит из его собственного имени и названия двора, где он живет. Можно сказать, что как человек владеет усадьбой, так и она им «владеет», накладывая на личность свой отпечаток».

В антропогенных мифах не всегда отчетливо различается происхождение человека и данного народа. У многих первобытных народов название своего племени и слово «человек» совпадают. Мифологическое сознание не знает формально-логической определенности, оно слабо различает землю наследственного хутора, землю – территорию государства, всю землю. Генетически запрограммированные территориальные мотивации и связанное с ними эмоциональное состояние порождали символику Матери-Земли, которая, с одной стороны, по-матерински относится к человеку, с другой – обладает могуществом и свойствами, немислимыми в отношении любой реальной женщины. Не приходится доказывать, насколько мощную психологическую защиту может давать такая мифологема.

На мой взгляд, неприязнь к евреям, цыганам... и Соединенным Штатам Америки вызывается тем, что они самим своим су-

ществованием опровергают абсолютность этой мифологемы, порождая у ее носителей психологический дискомфорт. Мифологемы такого рода давали начало представлениям о мистической связи земли и людей, ее населяющих, представлениям, лежащим в основе сегодняшних конфликтов, этнических чисток и геноцида. Мифы склонны к «переодеванию», и уберечь нас от попыток строить технологические алгоритмы на основе мифологической символики может только умение различать древние мифы, в каком бы одеянии они ни появились.

Один из таких новоявленных мифов – миф о совместности христианства и национализма. Человек христианской культуры, хотя и не религиозный, Т. Гексли не случайно назвал атавистическое наследие нашей психики грехом. Христианство многое сделало для того, чтобы освободить человека от его биологического наследия. Символика христианства даже таким примитивно-биологическим мотивациям, как голод и жажда, сумела придать новый, духовный, чисто человеческий смысл.

Несколько по-новому было истолковано и еврейское предание о сотворении человека из праха земного. В отличие от других подобных мифов, связывающих какую-либо этническую общность с Матерью-Землей как конкретной географической реальностью, библейская версия связывает человеческие корни с землей как таковой, в крайнем случае библейскую родину можно отождествить с Эдемом, из которого люди были безвозвратно изгнаны. На всей же прочей земле люди оказываются такими же странниками, какими были еврей-кочевники.

Христианство внесло в такое мировосприятие серьезные коррективы: ценность родственных связей не только в масштабах нации, ибо в новом христианском мире «нет ни эллина, ни иудея» (Кол. 3:11), но и в масштабе семьи оказалась под подозрением – «ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее» (Матф. 10:34). «И некто сказал ему [Христу]: вот мать твоя и братья твои стоят вне, желая говорить с тобой.

Гойя. Вплоть до третьего поколения. «Это бедное животное свели с ума знатоки геральдики и родословных. Оно не одиноко»

Он же сказал в ответ говорившему, указав рукою на учеников своих: вот мать моя и братья мои» (Матф. 12:46–50).

Христианство вообще поставило под сомнение ценность всего земного, противопоставив «горнее» (возвышенное, относящееся к миру духовному) – «дольному» (земному, мирскому, вещественному, суетному). Оппозиция «опасность – безопасность», связанная с верхом и низом в древнем мифе о Мировом Дереве, христианством была переосмыслена как противопоставление духовной безопасности (спасать следовало прежде всего душу), связанной с Отцом Небесным и небесной же Богородицею, безопасности тела, которая мыслится проблемой исключительно земной.

В таком контексте «почвенничество» было прямым вызовом христианской этике и христианским ценностям.

«Нужно признать, что условия, вызывающие войну, – писал почти полвека назад английский биолог А. Кейт, – разделение животных на социальные группы, “право” каждой группы на ее территорию и развитие комплекса враждебности, направленной на защиту этой территории, появились на Земле задолго до появления человека».

История не утешает нас. Христианство оказалось бессильным перед бестиями в человеке. Опомившись, человек клеймит проделки этих бестий как грех, кается в грехах, а в это время другие люди идут в бой. Хорваты-христиане идут убивать сербов, христиане-сербы отправляются уничтожать хорватов. И, позабыв заповедь «не убий!», батюшки и фельдкураты заранее отпускают «своим» грехи и благословляют их оружие.

Когда горит склад, бывает, что воры растаскивают его содержимое, но не всегда они являются виновниками по-

жара, и уж точно не они создают пожароопасную обстановку. Когда загорается очередной пожар межнациональной вражды, находятся желающие погреть на этом руки, чтобы ублажить свои властные амбиции и самоутвердиться таким образом, но не они создают пожароопасную обстановку, а бестии, сидящие в каждом из нас. Да и сами эти властные амбиции – это символически выраженные мотивации, связанные с потребностью занять более высокое место в стадной иерархии, в «порядке клевания», существующем на любом птичьем дворе.

Люди, в который раз отправляясь в «последний и решительный бой», оказываются жестоко обманутыми результатом того, что они принимали за победу. Попытки одним ударом разрушить мир приводят к насилию же.

И все-таки, умудренные опытом и не обескураженные неудачами, мы должны вновь и вновь подниматься на брань с бестиарием, надеясь если не уничтожить классовые, национальные, конфессиональные противоречия, то хотя бы, как сказал мой друг Михаил Молоствов, превратить мордобой в бокс, а если удастся, то и в шахматную партию.

Я взялся за написание этого опуса в надежде, что, взглядевшись в себя, оценив то, что управляет человеком, хоть кто-нибудь перестанет вести себя «как бессловесные животные, водимые природою, рожденные на уловление и истребление» (1 Петр. 2:12).

Согласно довольно распространенным представлениям, нечисть боится зеркала. Значит, следует глядеться в него чаще.

В. Ронкин

О разном

«Нет – расизму, национализму, сексизму!» Что объединяет эти понятия и заставляет наших единомышленников – авторов вышеприведенного лозунга – объединиться в борьбе с этими явлениями? И расизм, и национализм, и сексизм – это предпочтение людей одной условной группы (нации, расы, пола) другой. При этом сам расист-националист-сексист, как правило, относится к предпочитаемой им части человечества, а тех, кто не относится, считает заведомо ниже себя и поэтому дискриминирует.

Какие тут могут быть анти...-подходы? Антирасисты, безусловно, настаивают на отсутствии каких бы то ни было существенных различий между представителями разных рас. Разный цвет кожи или другие черты лица? Но ведь и блондина не спутаешь с брюнетом, однако из этого никто не делает выводов о преимуществах или недостатках тех или других.

Позиция антинационалистов близка к антирасистской. Нет серьезных различий между ирландцами и англичанами, русскими и эстонцами, евреями и немцами. Многие из моих знакомых гордятся тем, что не могут отличить еврея от германца ни по фамилии, ни по чертам лица. Другие же, наоборот, с торжеством доказывают, что никогда в этом вопросе не ошибутся. Значит ли это, что одни более националисты, чем другие? Думаю, нет. Думаю, у последних просто больше опыта. Ведь те, кто не видит разницы между двумя европейскими лицами или двумя европейски звучащими именами, все же не смогут не отличить африканское лицо от европейского или русское имя от китайского. Конечно, отличия отличиями, но ведь можно на этом не сосредотачиваться, возразят иные.

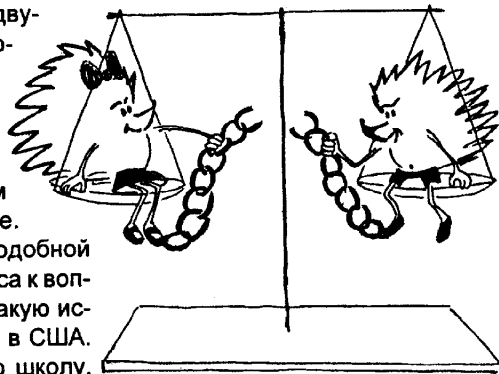
Как-то раз, в качестве примера подобной толерантности или отсутствия интереса к вопросу нации и расы, мне рассказали такую историю из жизни русских иммигрантов в США. Мальчик Коля ходил в американскую школу.

Там у него были три приятеля – Джим, Билл и Дэн, и Коля постоянно о них рассказывал: Джим – то, Билл – другое, Дэн – третье, – так что родители уже заочно знали почти все об этих мальчиках. Через год у Коли был день рождения, и его друзья впервые пришли в дом. И тут только родители узнали, что Билл и Дэн – белые американцы, а Джим – черный. Коля столько всего поведал о своих друзьях, а об этом – ни слова! Просто цвет кожи для него значил гораздо меньше, чем способность придумать интересную игру или рассказать страшную историю. Конечно же, мораль этого рассказа такова: «Вот каким должен быть человек в мире без расизма». Пусть это проамериканский взгляд на вещи, но случай вполне правдоподобный.

Возникает вопрос: действительно ли выход – в отсутствии интереса к таким различиям? Ну, предположим – да, лучше уж не обращать внимания на расовые различия. А на национальные? Следует ли итальянцам перестать считаться с особенностями своего темперамента, а ирландцам помалкивать о красоте рыжих волос? Должны ли греки и русские одинаково реагировать на алкоголь? И так далее, и тому подобное.

Еще более очевидно парадоксален подобный подход к проблеме сексизма. Различие между женщинами и мужчинами несомненно заслуживает не только внимания, но и уважения. Отрицать его – значит загонять себя в тупик.

Все же именно отрицание существенных различий было долгое время главным аргументом в борьбе с дискриминацией женщин. Здесь основным становился принцип «не...»: женщины *не* глупее, *не* слабее, *не* мягче и т. д. И сейчас еще, конечно, женское самоутверждение часто идет этим путем. Иначе зачем бы женщинам добиваться права служить в армии, полиции, быть палачами и убийцами? Да потому, что все, что могут мужчины, могут и женщины. И в этом есть своя правда, хотя долго это отрицалось общественным мне-

нием. Женщины хотят получить доступ ко всем престижным – традиционно мужским – специальностям. Это важный момент признания равенства полов. Однако принцип «женщины не хуже мужчин» неверно подменять другим – «не отличаются».

Когда те, кто боролся за независимость женщин в XIX–XX веках, слишком уж настаивали на этом «не хуже», в их идеологии женщина почти превращалась в мужчину. Признаком женской эмансипации стали считаться короткие волосы, брюки, иногда дело доходило даже до отказа от специфически женского нижнего белья. Но разве подражание мужчинам может решить проблему дискриминации женщин? Женщинам, наверное, требуется как просто человеческая, так и женская свобода, то есть свобода быть самой собой везде и всегда. Мужчинам, наверное, требуется не меньше, но и не больше того. Для этого необходимо признать и понять друг друга и в общем, и в разном. Современные феминистки, в противоположность своим предшественницам, сосредоточились на «разном». Их интересует прежде всего и больше всего «женское в женщине». Правда, они не обязательно носят длинные волосы и юбки, но зато большое внимание уделяют женской анатомии и физиологии. «Женская самозащита» стала новым этапом в борьбе с патриархатом и мужским самоуправством. Феминистки пристально изучают все особенное в себе и в других женщинах. «Самозащита» часто принимает форму «автономии», то есть изоляции от мужчин. Женщины ищут возможности жить полноценной жизнью вне мужского общества, без мужчин. Радикальные феминистки создают чисто женские группы, где они живут и куда вход мужчинам заказан. Отказ от сексуальных отношений с мужчинами приводит к тому, что все больше феминисток выбирают лесбийский образ жизни. Лесбийские группы в наше время – это тоже политика.

И это, несомненно, тоже тупик. Те, кто, казалось бы, так яростно защищает право женщины на свободный выбор и независимое положение как в личной, так и в общественной жизни, сами превращают сугубо личные отношения в политику, сами отказываются от своей женской свободы во имя женской борьбы. Борьбы с кем? С мужчинами. Это уже не борьба с патриархальным обществом: феминистско-лесбийское движение видит врага в мужчине как таковом, а не только в мужчине-поработителе. Эта современная феминистическая идеология противопоставляет женское (в том числе и в биологическом плане) мужскому, превозносит первое и унижает второе. Чем больше внимания и симпатии вызывает у подобных феминисток женская природа, женские потребности, наконец, женское тело, тем больше негодования и презрения обрушивается на «типично мужские» свойства и устройства.

Выдающимся примером подобной идеологии можно назвать опубликованную уже по-русски книгу американки Р. Айслер «Чаша и клинок», где ни много ни мало доказывается, что в истории человечества все, что связано с «чашей» (то есть с женским началом), есть цветение, плодородие, мир и счастье, а от «клинка» (недвусмысленный намек на биологически predeterminedенную сексуальную роль мужчины) – война, разруха, смерть. Эта нехитрая мысль, правда, разукрашена множеством спекулятивных и безграмотных мифологических и исторических примеров, а также рассироплена всякими маскирующими «у-тю-тю», так что пугает не сразу, а как будто даже мирно звучит. У менее «ученых» феминисток страх перед мужской агрессией и неприятие мужского облика и особенностей мужского организма носит порой совсем воинственный характер. Мужчину, пытающегося заглянуть в лесбийское кафе в Берлине, встречает град бутылок; мужчины, приближающиеся к женскому сквоту в Гамбурге, рискуют быть заброшенными бутылками с зажигательной смесью; мужчин, имевших несчастье проходить мимо «лагеря феминисток», где те ходят голыми «для себя, а не для них», преследуют и оскорбляют.

У кого-то это вызовет обиду, у кого-то смех, у кого-то жалость. Но ни одна из этих эмоций не поможет женщинам преодолеть пропасть, отделяющую их от мужчин в общественном сознании, да и в своем собственном тоже. Чего же мы, женщины, хотим? Свободы? Свобода невозможна в изоляции. Свобода – свойство общения, обрести ее можно лишь во взаимодействии с другими. Взаимодействие мужчин и женщин необходимо и неизбежно. Автономия в этом деле и бессмысленна, и пагубна. Свободу получают женщины, когда мужчины поймут и примут их такими, какие они есть, и смогут именно такими любить и уважать, считаясь как с равноценностью мужчины и женщины в интеллектуальной и общественной сферах, так и со спецификой женской личной жизни и особенностями женского организма. Свобода мужчины также требует интереса, внимания и уважения со стороны женщин, ведь дискриминация – тоже явление взаимное. Так называемые патриархальные отношения ограничивают свободу и мужчин, и женщин. Агрессия феминисток в конечном счете тоже бьет и по тем, и по другим.

Закончить все эти рассуждения хочется пожеланием всем мужчинам и женщинам, людям всех рас и национальностей не нападать друг на друга, видя в различиях причину для ссор, но и не заслоняться от проблемы искусственным отрицанием этих различий, а любить и ценить различия как в себе, так и в других. Нет – расизму, национализму, сексизму!

Арт*

В лоб или по лбу?

«Патриотизм» и «национализм» в современной России

В этой статье нам хотелось бы сосредоточиться на обыденных представлениях о соотношении национализма и патриотизма – этим и объясняются кавычки в названии. Этот вопрос представляется нам ничуть не менее важным, чем описание современных националистов или теорий национализма.

Оговоримся, что мы не претендуем на воссоздание полной картины мнений. Мы хотели бы критически описать одну из моделей представлений, которая кажется нам господствующей в обществе, соответствующие ей конструкты «национализм», «патриотизм» и «национал-патриотизм», а также их генезис. Очевидно, что они играют важную роль в жизни общества, структурируя мир, задавая координаты восприятия, мышления и действия, в том числе политического.

Эту модель лучше всего описывает формула «национализм – плохо, патриотизм – хорошо» (вариация – «добро/зло»). Соответственно они воспринимаются как два разных

понятия, которые, во-первых, «не умеют как следует различать» и, во-вторых, «злонамеренно подменяют друг другом». На мой взгляд, повсеместное сетование на то, что национализм и патриотизм путают, легко объясняется тем, что само разделение их надуманно и искусственно.

Предварительно отмечу, что в России национализм всегда имел этнический оттенок, то есть, в формулировке В. Прибыловского, так обозначалась «чрезмерная любовь к своему народу (племени, расе, языку) в ущерб другим народам, расам, языкам». В международной политической терминологии «национализм» и «патриотизм» при некоторых допущениях являются синонимами. Однако в нашей стране они несут противоположную эмоциональную нагрузку. Корни же этого – в сталинизме, в определенных изменениях советской официальной идеологии и практики в тридцатые годы. В двадцатые годы в идеологии РКП(б) господствовал интернационализм. Тогда создавались благоприятные условия для раз-

вития всех народов, инструментом внешней политики был Коминтерн и т. д. После смерти Ленина борьба между Троцким и Сталиным, между последовательным интернационалистом и сторонником «внутреннего» единения народа в процессе строительства социализма, завершилась победой последнего. И под реальным сталинским социализмом была подведена идеологическая база патриотизма – интернационализм для этого не годился.

Объективным основанием для подобного поворота были исторические условия: границы страны СССР совпадали тогда с границами социализма. И Марксово «пролетариат не имеет отечества», пройдя через ленинское «за социализм как отечество», превратилось в «социалистическое отечество» или (поскольку отечество – социалистическое) просто «отечество». История была переписана в духе патриотизма (так, главными героями ее стали личности вроде Ивана Грозного и Петра I), в середине тридцатых были возрождены понятия «отчизна», «великая Родина» и тому подобные. Любить родину и знать ее историю стало обязанностью всякого советского гражданина. «Народ» замещает «класс». Расцветает и великорусский шовинизм. Общий смысл тогдашних публикаций на соответствующую тему таков: русский народ велик независимо от существующих общественных отношений; таким образом, здесь мы имеем дело с важнейшим признаком национализма (именно нация является высшей общностью). Нового уровня это «национальное перерождение», что вполне закономерно, достигло во время Великой Отечественной войны.

При этом необходимо было совместить практическую переориентацию на патриотические ценности с внешним соблюдением догм марксизма. Как сочетать «класс» и «нацию»? Эта задача была весьма успешно решена через эмоциональное и оценочное разведение синонимов «патриотизм» и «национализм», когда один объявлялся «правильным», а другой – «вредным». При этом делалась попытка объяснения через их классовое содержание, впрочем довольно беспомощная (см. ниже). Подобное произошло и с понятиями «интернационализм» и «космополитизм»: раньше они употреблялись как синонимы, но как для патриотизма в сталинской идеологии требовался в качестве негативного полюса национализм, так и для интернационализма – космополитизм. Окончательное закрепление этой ценностной оппозиции произошло в кампании против космополитизма.

Это разделение не было преодолено и позже. Так, обратимся к соответствующим статьям Большой советской энциклопедии 1975 года: «Патриотизм – любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими делами служить его интересам. П. в классовом обществе носит классовый характер, при этом пролетариат является выразителем коренных национальных интересов народа и, следовательно, носителем истинного П. П. буржуазии не отражает общенациональные моменты, сливается с национализмом и шовинизмом. В СССР развивается социалистический всенародный П., гармонично сочетающий любовь к лучшему традициям своего народа с ... преданностью социализму и коммунизму и уважением к другим народам» (т. 19, с. 282).

Национализм – «буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, а также психология в национальном вопросе. Н. трактует нацию как высшую внеисторическую и надклассовую форму общественного единства, как гармоничное целое, с тождественными основными интересами всех составляющих ее социальных слоев. При этом за

общенациональные интересы выдаются устремления класса или социальной группы, выступающих носителем или проводником националистической идеологии и политики буржуазии и мелкой буржуазии. Для Н. характерны идеи национального превосходства и национальной исключительности. Пролетарское и коммунистическое мировоззрение несовместимы с любой националистической идеологией» (т. 17, с. 358–359).

Таким образом, здесь различие между патриотизмом и национализмом проводится не по содержанию, а по классовому признаку и имеет эмоциональную природу. Хороший пролетарский патриотизм противопоставляется плохому буржуазному национализму. Здесь считается, что именно пролетариат правильно отражает общенациональные интересы, а буржуазия подменяет их своими узкоклассовыми. Очевидна и внутренняя противоречивость этого разделения: национализм, являющийся буржуазной идеологией, обвиняется в трактовке нации как высшей формы общественного единства, однако сама эта критика ведется с позиций «коренных

национальных интересов народа». Стоит особо отметить, что, согласно такой позиции, подлинный патриотизм несовместим ни с космополитизмом, ни с национализмом, но неразрывно связан с пролетарским интернационализмом. Последнее утверждение не выдерживает никакой критики – зато соблюдены марксистские формальности.

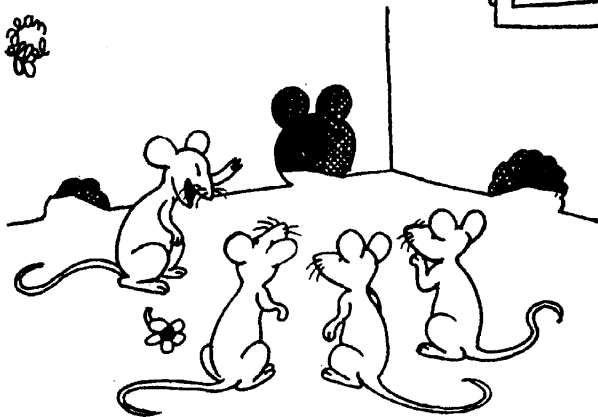
Подобное соотношение патриотизма и национализма («одно – хорошо, другое – плохо») другими словами выражается так: «патриотизм – это любовь к своим, а национализм – ненависть к другим». Но

эта формулировка делает более заметным дефект такого различения и его причину: здесь видно, что одно вовсе не исключает другого.

Во-первых, в обоих случаях мы имеем дело с релевантностью национального признака. Во-вторых, и то и другое, на наш взгляд, определяется *относительным* местом ценности родины, или этноса, или языка и прочих «почвеннических» ценностей на шкале предпочтений. И если речь идет о патриотизме – субъект X признает, что родина – ценность, место которой очень высоко. Но «очень высоко» возможно только относительно чего-либо, то есть – выше других. Как нам представляется, здесь становится очевидным, что патриотизм и национализм практически тождественны.

Рассматривая соотношение «национализма» и «патриотизма», невозможно обойти вниманием слово «национал-патриоты». Больше всего оно напоминает словосочетания вроде «мокрая вода», однако его появление не случайно, а по популярности оно затмило эвристически более ценные термины.

Слово «национал-патриоты» появилось примерно в середине – второй половине 1980-х годов как самоназвание русских националистов круга историко-литературного объединения «Память». Во времена Советского Союза «патриотами» были вынуждены называть себя националисты, не желавшие подвергнуться санкциям. Наиболее трусливые прибавляли эпитет «советский», что было наилучшим прикрытием – «советский патриотизм» был обязанностью каждого гражданина. По-видимому, выражение «русский национальный патриотизм» первым употребил Д. Васильев. Перестроечная пресса быстро сократила его до «национал-патриотизма». Этим словом охотно пользовались для обозна-

«Наконец-то мы видим своды в подлинно национальном стиле!» Рисунок Жана Эффеля

чения «памятников» либералы, но оно быстро стало и само-названием. Хотя многие, в том числе и сами «патриоты», называли его уродливым, оно прочно закрепилось в общественном сознании.

Поскольку сначала «национал-патриотизм» возник как подмена «национализма», то в нем воспроизводился характерный для последнего оттенок соотносительности с русским (восточнославянским) этносом. И это полностью соответствовало тогдашним реалиям. Однако после того, как либеральная пресса заклемила «национал-патриотом» Жириновского и его ЛДПСС, термин потерял свою однозначность, так как идеология ЛДПСС, позже ЛДПР, — радикально великодержавническая, но без существенно этнического оттенка (невзирая на зачастую расистскую риторику ее лидера).

Таким образом, произошло досадное смешение понятий. И в общественном сознании «национал-патриотизм» закрепился в расширительном толковании: не только и даже не столько этнический национализм, сколько патриотизм державного толка, имперский надэтнический шовинизм (радикальный). При этом в узком значении название «национал-патриоты» относится к русским этническим националистам. Заметим, что это вполне соответствует прежнему «социалистическому патриотизму», когда в рамках советского великодержавничества русский народ трактовался как своего рода первый среди равных. Подобное обозначение весьма удобно: с одной стороны, позволяет избегать сохранившего негативный оттенок названия «национализм», с другой — задает границы в ситуации всеобщего патриотизма.

Стоит обратить внимание и на конструкт «народно-патриотические силы». Во-первых, здесь окончательно исчезает из названия «национализм». Но это соответствует и немного другим политическим субъектам, а именно державникам ком-

мунистского толка (даже если на съезде НПСР в фойе продают откровенно националистическую литературу).

В современной политической жизни России не быть патриотом просто «не комильфо». Даже в предисловии к справочнику «Национализм и ксенофобия в российском обществе» (Верховский А. и др. М., 1998) известный антифашист из Московского антифашистского центра обвиняет националистов в том, что они лицемерно называют себя патриотами, и апеллирует ко «всем здоровым силам нации», вольно или невольно заимствуя риторику своих оппонентов. Это вызвано тем, что в обыденном сознании «не быть патриотом» означает «не любить родину», а это — плохо. Отказ от примата патриотических ценностей автоматически вызывает обвинение в нелюбви к культуре народа и к народу вообще. Такое положение сложилось еще в начале Перестройки — уже тогда либералы-реформаторы пытались «перехватить» патриотические лозунги.

Таким образом, большинство до сих пор думает — и, соответственно, действует — в рамках сталинистского деления, даже противники сталинизма. Вызывает сомнения, что это положительно сказывается на успешности их действий. Даже необходимость соответствовать общему мнению вряд ли оправдывает это «подстраивание» — получается, что мнение меняет антифашистов, а не они — мнение. Вряд ли удастся преодолеть идеологию, действуя в рамках созданной ею системы.

И последнее замечание. Как нам представляется, можно незаметно оказаться в положении конкурента националистов, если утверждать, что они любят родину неправильно. Ведь это подразумевает, что сам говорящий делает это правильно, и проблема заключается не в ценностях, а лишь в способе их достижения.

У. Бене
И. Патриа

Национализм глазами эсперантиста

«Национализм — [...] проявления психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости». Такое определение национализма дается в Словаре русского языка С. И. Ожегова.

Мне довелось слышать в разговорах с людьми и другие определения, от одних: национализм — это любовь к своему народу, к своей культуре, к своему духовному наследию, к своему Отечеству, к своему языку и образу жизни; от других: национализм — это ненависть и нетерпимость к другим народам, к их культуре, языку, образу жизни, религии. Но не происходит ли здесь подмены понятий, которая вводит в заблуждение людей, слабо разбирающихся в определениях?

Ведь есть же еще и понятие «национальность» — ощущение своей принадлежности к определенной исторически сложившейся устойчивой общности людей, образующейся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, особенностей культуры и духовного облика. И есть совершенно четко определяющееся понятие «патриотизм»: это любовь к своей национальности, к своему Отечеству, к своему народу и языку, желание сохранить свою национальность в процессе исторического развития человечества. Советский энциклопедический словарь так трактует понятие «патриотизм» (от греч. *patris* — родина): «любовь к родине, [...] противоположен национализму, а также космополитизму».

Как видно из определения, ни ненависть к другим национальностям, ни патологическая уверенность в исключительности своей нации (а именно это и включает в себя понятие «национализм») не относятся к числу признаков патриотизма. Перефразируя Маяковского, можно сказать: мы говорим

«патриотизм», подразумеваем «любовь», мы говорим «национализм», подразумеваем «ненависть».

Понятие национализма подразумевает психологическую установку на проявление национального превосходства, антагонизма (нетерпимости) к не-своему, установку на кастовость, национальную замкнутость, недопустимость смешения своей крови с чужой. А любовь к своей Родине, решимость сохранить свои обычаи (обычаи предков), сохранить свой язык, свою исторически сложившуюся территорию, не испытывая при этом ненависти к другим народам, — это не национализм, а совершенно здоровое и понятное чувство национального самосознания, ощущение своей принадлежности к определенной нации, гордость за свой народ, то есть патриотизм.

Можно возразить, что понятие «национализм» содержит в себе любовь к своему и ненависть к чужому. Но, во-первых, где та грань, которая разделяет «свое» и «чужое»? Ведь любой антинационалист, даже если он одной национальности со своими идеологическими противниками, с их точки зрения будет «чужим», не чувствующим своей национальной крови. Во-вторых, даже если национализм подразумевает установку «любя свое, ненавижу чужое», то патриотизм предусматривает не только любовь к своему, но и уважение к чужому.

В статье «*Naciisma esperantismo eblas!*» («Националистический эсперантизм возможен!»), опубликованной в печатном органе Российского народного движения за международный язык эсперанто «*PREM-bulteno*» № 2 (5) (апрель 1998 года), говорится о так называемом «здоровом» и «больном» национализме и предлагается пропагандировать эсперанто среди «здоровых» националистов.

Исходя из вышеизложенной точки зрения на понятие национализма, национальности и патриотизма, берусь утверждать

дать, что не может существовать такого деления, ибо, что «здоровый», что «больной», национализм остается национализмом, и ключевым словом в его определении остается слово «ненависть». «Здоровый» национализм, проявления которого описываются в упомянутой статье, – это, судя по всему, патриотизм, ключевым словом в определении которого является «любовь». Нельзя смешивать эти понятия, сбивая с толку тех читателей, которые не очень разбираются в терминах и могут легко подменить одно понятие другим. Кстати, в эсперанто слова «отец» (*patro*), «патриотизм» (*patriotismo*), «Родина», «Отечество» (*Patrio*) – однокоренные.

У психологически отягощенного националистическими проблемами индивида эсперанто вызовет естественное отторжение в виде негативной реакции уже хотя бы на неродной латинский алфавит, на слова, написанные на «нерусском» языке, не говоря уж о «внутренних идеалах» эсперанто – взаимном уважении наций, дружбе и т. д. Индивида со здоровой установкой на патриотизм, напротив, международный язык не оттолкнет – подсознательно он понимает, что эсперанто не грозит вторжением в его национальную среду, в его национальное сознание и подсознание. Этот индивид не начнет патологический поиск чего-то враждебного, направленного против его национальных чувств, что якобы несет в себе латинский алфавит.

Идеи эсперанто прекрасно сочетаются с идеями патриотизма, дополняя любовь к своей стране, к своему народу уважением к другим народам и пониманием их интересов, что позволяет интересы своей нации осуществлять с учетом интересов других наций. Если бы такая подсознательная психологическая установка имела у большинства населения нашей планеты, не было бы многочисленных кровопролитных захватнических войн.

У каждого эсперантиста есть своя Родина, на любых встречах эсперантистов участники перечисляются с непременно указанием, из какой они страны. Эсперантисты не рассматриваются в отрыве от своего государства, от своей Родины, и каждый эсперантист ощущает себя принадлежащим к определенной национальности, то есть причисляет себя к общности людей, связанных единым с рождения языком, общностью религии, культуры, территории, и параллельно, а не в противовес, он ощущает в себе и принадлежность к сообществу эсперантистов, то есть людей, также объединенных общностью единого, второго для всех них языка – языка эсперанто, культуры, созданной на основе этого международного языка, идеей взаимного уважения наций, заложенной в основе эсперанто.

Отвечая на вопрос, заданный в «*PREM-bulteno*», возможен ли националистический эсперантизм, абсолютно однозначно ответу: нет. Но возможен, и это абсолютно нормально и происходит в каждой стране, эсперантизм национальный, когда любовь к своему отечеству не сочетается с ксенофобией, ненавистью ко всему чужому.

Создатель международного языка эсперанто Л. Заменгоф чувствовал, однако, что для создания гуманистического общества недостаточно идеалов, заключенных в идее общего нейтрального языка. Какая идея несет в себе то духовное начало, которое поможет остановить сползание к ненависти и не допустить повторения печального пути Югославии и многих других стран, прошедших через геноцид? Безусловно, многие скажут, что такое духовное начало несет в себе религиозная идея. При этом каждый будет говорить, что гуманистической направленностью и истинной духовностью обладает именно та религия, которую исповедует сам отвечающий. Отношения между различными религиями очень напряженные, да это и понятно, потому что каждая из них претендует на абсолютную истинность. Таким образом, получается, что религиозная

идея сама является подпиткой для раздувания вражды, потому что имеет под собой ту же психологическую основу, что и националистическая идея – группоцентризм, когда хороши и полезны только члены своей группы, а все другие – враги. Такая психологическая основа религии наглядно видна всем: многолетняя вражда католиков и протестантов в Северной Ирландии, воинствующий ислам на южных окраинах России, негативное отношение русской православной церкви ко всем другим религиям на территории России (если не явное, то скрытое) и т. д.

Но все же, несмотря на это, многие отмечают положительное влияние Слова Божия – именно не религии, разделяющей людей на православных, католиков, протестантов, свидетелей Иеговы и прочие религиозные группировки, а Слова Божия, то есть информации, через которую Бог обращается конкретно к душе каждого человека – к тебе, ко мне, а не к массам. Тогда исчезает и «стадное чувство», разрушается психологическая установка на группоцентризм.

Л. Заменгоф создал свою, нейтральную религию – гиллелизм, в которой попытался отказаться от привязки к группированию по религиозному принципу и объединить все главное, что заложено в Слово Божием, в Слово «общую» религию, три принципа которой мог бы разделить любой человек. Вот что писал по этому поводу сам Заменгоф:

«Гиллелизм не представляет собой какую-либо секту или реформированный иудаизм, так как фундаментом ему служит не какая-нибудь существующая уже религия, измененная в духе и по произволу той или иной горсти людей, а только тот природный разум и то природное религиозное чувство, которые общи всем людям. По идее своей религия гиллелитов существует с незапамятных времен в сердцах всех людей. Вся сущность ее заключена в следующих трех пунктах:

1. Мы признаем существование Высшей Силы, управляющей миром, и Силу эту мы называем Богом. Атеисты могут называть эту Силу Природой.

2. Законы свои Бог вложил в сердце каждого человека под формую Совести; послушайся поэтому голоса совести своей, ибо это есть никогда не умолкающий голос Бога.

3. Сущность всех законов, данных нам Богом, выражается формулой: «Поступай с другими так, как бы ты хотел, чтобы другие поступали с тобою, и не делай никогда ни явно, ни тайно таких поступков, о которых твой внутренний голос говорит тебе, что они Богу не нравятся».

...Это должно абсолютно и навсегда отделить вопрос религиозный от вопросов национальных и искоренить, наконец, то прискорбное явление, которое мы замечаем во всех существующих религиях и которое принесло уже так много несчастий человечеству и так изуродовало суть религий, – а именно: что каждая религия, благодаря богослужебному языку, связала себя с какой-нибудь одной или несколькими нациями, сделала неразрывно национально принадлежностью определенных народов, служит низменно-эгоистическим интересам этих народов и вместо любви и истины сеет и поддерживает только обособленность и ненависть.

...Для устранения межнациональной вражды нужно принять не только общий язык, но и всеобщие основы этики, иначе говоря, – религию в лучшем смысле этого слова, основанную исключительно на сердце и разуме человечества».

Но эти простые и понятные положения новой религии потерялись во множестве других религий, и попытка создать не только общий язык, но и общую религию, основанную на этих простых принципах, потерпела неудачу – новая религия расстворилась во множестве других и не была расценена как «общая» религия.

«Коричневая харя из-под красного знамени...»

(Е. Гайдар)

Октябрь прошлого года стал моментом истины для КПРФ... Распахнул перед нами душу бравый генерал Макашов, всю правду-матку врезал. Правда-то эта оказалась не просто личной точкой зрения, некоторым, так сказать, правым уклоном от генеральной линии партии, — а самой этой линией, долго скрывааемой под стыдливими отговорками да красным кумачом.

Напомню вкратце эту историю, конец которой, кажется, еще не близок, но основные герои заняли уже свои места.

Четвертого октября в накаленном политическими страстями воздухе прогремели грозные слова генерала Макашова, что, дескать, в случае его смерти он «по списку на тот свет» заберет «десять этих жидов». Эти слова сразу подняли бурю негодования, но, тем не менее, 7 октября уже на другом митинге и в другом городе генерал повторил свои обещания, продемонстрировав таким образом неизменность занятой им позиции. Казалось бы, трех дней, прошедших с первого митинга, вполне достаточно для того, чтобы другие члены КПРФ могли повлиять если не на позицию, то хотя бы на публичное поведение своего товарища. Возникает вопрос: Макашов ли остался непреклонен или товарищи были с ним во всем солидарны.

Немало вопросов вызывает и деятельность государственных структур, призванных заботиться о соблюдении прав граждан, в том числе и тех, кто удостоился бы чести умереть вместе с Макашовым. 29 декабря 1998 года Генпрокуратура после долгих размышлений возбудила дело против Макашова и других товарищей, участвовавших в митингах 4 и 7 октября. Дело вроде хорошее, но, видимо, слишком уж долго вынашивала Прокуратура эту идею, и намудрила, возбудив дело не по статье 280 (разжигание национальной розни), как, следовало бы, а по статье 282 (призывы к насильственному свержению власти). Все думали: ну, ошиблись с номером, заработались, — ан нет. Оказывается, был у Макашова и второй кандидат на тот свет, да, наверное, по пятому пункту не подошел, и потому выделил генерал его особо и кричал: «Ельцина на мыло!» Неспроста Прокуратура номера-то перепутала: понимала, что не найдет у народа отклика такое осуждение: кто же, побывав на митинге, не кричал в ярости и восторге: «Ельцина на мыло!»? Сама Прокуратура возиться с этим делом не захотела и передала его в ФСБ. И как чекисты намучились с ним! Экспертов ищи. А они не хотят: боятся, вдруг и их в список внесут да на личный макашовский мыловаренный завод пошлют! А потом выяснял, что имел в виду Макашов, выкрикивая свою sacramентальную фразу. Да еще надо узнать, какие ассоциации вызывали слова Макашова у митингующих. В общем, попотеть пришлось, а потом с легким сердцем и закрыть дело.

Казалось, пора бы делу улечься и заглохнуть, как глохнет все в родных российских просторах. Но тут, как на грех, Ельцин по дороге из больницы в Барвиху в Кремль заехал, пару раз кулаком по столу стукнул, да Лужков на очередной пресс-конференции по случаю нового закладного камня выступил — и ожило все, закрутились колесики, и пришлось Прокуратуре самой за дело браться. Тут уж пошло как по маслу: и дело возбуждали, и статью не перепутали, и новых экспертов ищут, а у Макашова допытываются, что он понимает под словом «жид». Но, несмотря на такую кипучую деятельность, появились сомневающиеся. Това-

рищ Илюхин, большой друг Макашова, свой человек в Прокуратуре, уверен, что та не закроет дело сразу, боясь гнева Ельцина, но постарается затянуть его. И с этим трудно не согласиться. Прокуратура, как эффектная дама, предпочтение отдает красно-коричневой цветовой гамме, остальные же цвета в этом сезоне вызывают у нее неприятие. Все самые громкие дела, затеянные Прокуратурой, были возбуждены исключительно из нелюбви к другим цветам и в угоду любимым. В последние месяцы сбываются самые радужные мечты коммунистов. И, возможно, Макашову не придется брать с собой в могилу тех, кого намеревался, так как Прокуратура позаботится о них раньше.

Итак, для компартии были созданы идеальные условия, чтобы она могла решить дело в узком кругу и оповестить общественность о результатах. Все ждали партийного резюме, ведь КПРФ известна своей строгой дисциплиной и отлаженным механизмом очистки собственных рядов от оппортунистов. Реакция была крайне спокойной. Лидер коммунистов Г. Зюганов делал вид, что ничего не произошло, а всё раздули средства массовой информации, эти отъявленные враги русского народа. Однако совсем отвертеться все-таки не удалось. Как назло в Госдуме оказались депутаты не только из КПРФ, но и из менее значительных партий; эти депутаты поддались пропаганде телевизионщиков и вынесли вопрос об осуждении Макашова на голосование. Но все удалось смазать, заретушировать, придать делу всеобъемлющий характер, и в результате Госдума приняла резолюцию, осуждающую национализм в принципе, без упоминания фамилий. Ну, а кому не известно, что коммунисты всегда были интернационалистами, вспомните хотя бы нашу братскую помощь всем кому угодно. Так КПРФ спасла честь своего товарища. Спасла ли она при этом и свою честь — большой вопрос...

Однако общественность не унималась, и наконец перед партийным съездом 23–24 ноября 1998 года Зюганов процедил сквозь зубы: «Мы сделаем Макашову замечание, осудим его горячность». Сразу вспоминаются старые советские фильмы: герои с горящими глазами борются с врагами — бюрократами и шпионами, а мудрые партийные советчики сперва осуждают их горячность, а потом с уважением к их мужеству пожимают им руку.

Была ли такая реакция КПРФ и ее лидера Зюганова на антисemitские высказывания Макашова для нас неожиданной? Что мы знаем о взглядах этих людей, называющих себя коммунистами? В какое государство хотят привести они своих избирателей? В проекте программы КПРФ «Путь России к социализму», принятом на одиннадцатом пленуме ЦК КПРФ, понятия «правовое государство», «общечеловеческие ценности» и «гражданское общество» были названы демагогией. Это значит, что в государстве, которое мечтают построить коммунисты, человек будет лишен своих прав, а следовательно, граждане, их ассоциации и организации не будут ограждены законом от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны государства. Это значит, что взамен общечеловеческих ценностей, выражающих единство человеческого рода и общность его исторических судеб, нам предложат какие-то другие. Какие? Классовые ценности, государственные, религиозные или национальные?

Коммерсантъ-daily

КПРФ давно сотрудничает с националистическими и откровенно фашистскими организациями. Мы не станем детально анализировать эти отношения, напомним только о создании Русского национального собора, сопредседателем которого был сам лидер коммунистов Г. Зюганов. В то время в РНС входили такие партии, как «Русское национальное единство», Народно-республиканская партия России, лидер которой, Ю. Беляев, осужден по 74-й статье УК за разжигание межнациональной розни, «Отечество», «Русский союз». Затем Зюганов возглавлял и Координационный совет народно-патриотических сил, и Политсовет объединенной оппозиции, и Фронт национального спасения. Вначале могло показаться, что это не более чем рука помощи другим оппозиционерам, разделяющим иную идеологию, но также борющимся против существующей власти, или тактический ход, необходимый для того, чтобы собрать больше голосов на выборах. Идеологию коммунизма разделяло все меньше и меньше людей. Избиратели роптали на власть, но все же не хотели возвращаться в светлое прошлое. Нужны были новые союзники, чьи утопии еще не испытывались на соотечественниках и потому не так пугают их, особенно если дать им красивое название «патриоты».

Прошло несколько лет, и нас уже не пугает слово «националистический», мы уже не сомневаемся, что национальные интересы стоят выше общечеловеческих, а противостояние Запад – Россия – Азия для нас неоспоримо. Пришло время новой политики коммунистов. То, что раньше вдалбливали нам в головы только их временные попутчики-националисты, или писал Зюганов в своих книгах, зная наперед, что если их прочтут, то только сторонники, – это теперь говорят открыто, причем как можно громче и как можно чаще, чтобы люди не успели задуматься и испугаться, но могли постепенно привыкнуть к новому имиджу коммунистов. Запад – враг. «Неизменные геополитические интересы Запада требуют ослабления, а если удастся, то и уничтожения России» («За горизонтом»). Вину за эту враждебность Зюганов возлагает на ненавистных всем националистам и фашистам евреев: «Еврейская диаспора... становится своего рода держателем "контрольного пакета" акций всей хозяйственно-экономической системы западной цивилизации... [поэтому] борьба с Россией становится в это время приоритетным направлением западной политики» («Верю в Россию»). Но этот враг столь коварен, что действует не только извне, но и пробрался внутрь: «Я вижу... как интеллигенция разделилась на две части, которые я для себя условно называю "Иван Ивановичи" и "Абрам Абрамычи"» («Зюганов о Зюганове»). Отсюда понятно, что и межгосударственную политику нужно строить на основе националистической идеологии. На вершину этнической иерархии ставятся славянские народы. Именно по этому принципу КПРФ всегда поддерживает братьев-славян, независимо от того, что те творят, и втайне мечтает о едином славянском государстве, хотя и идею возрождения СССР не бросает.

Все это показывает, насколько покоричневел за последние годы флаг коммунистов. Остались ли на нем хотя бы красные пятна? Говорить о марксистских взглядах КПРФ не приходится. Ленина коммунисты хоть и не дают вынести из Мавзолея,

но обвиняют в том, что во время революции «вырвавшиеся наружу социальные антагонизмы ввергли страну в хаос и смуту ожесточенного братоубийства». Их герой – Сталин! «Сталину не хватило каких-нибудь 5–7 лет жизни, чтобы сделать свою "идеологическую перестройку" необратимой и обеспечить восстановление необоснованно прерванной российской духовно-государственной традиции» («За горизонтом»). Кем прерванной? Коммунистами. Какой духовно-государственной традиции? Единовластия. Спит и видит дорогой наш товарищ Зюганов себя над всеми, и, видимо, для него не так уж важно, в качестве кого взойдет он на высшую ступень неограниченной власти: в качестве ли монарха, генсека или фюрера. Какого цвета пожелают его видеть избиратели – таким и оборотится. А уж потом отстроит страну всем на удивление «с широким использованием принудительного, в том числе и дарового, труда, в атмосфере военной дисциплины», что, по мнению Зюганова, уже «показало свою историческую целесообразность» («За горизонтом»). Это сейчас коммунисты выезжают за счет невыплат зарплат, а потом об этом и речи не будет, просто не будет такого слова – «зарплата» – в их «новоязе».

The St. Petersburg Times

«Мы выступим на выборах тремя колоннами...»

Из всего сказанного видно, что из уст Макашова вырвались не случайные слова. Они говорят не о бытовом антисемитизме, а о продуманной идеологии всей партии. Известно, были ли эти откровения заранее задуманы или нет, но КПРФ проявила удивительную сообразительность и оперативность. Уже сразу после съезда было объявлено, что КПРФ пойдет на выборы «тремя колоннами»: собственно коммунисты, умеренные патриоты и патриоты-радикалы, в числе которых и наш герой Макашов. Такая тактика даст им возможность отобрать голоса у других националистических партий, теперь уже конкурирующих с ними. И в то же время лидеры типа Макашова не отпугнут традиционных коммунистов. Очень показательна в этом смысле история с РНЕ, которое в последнее время становится все более активным и выходит из подполья на улицы уже не только провинциальных, но и столичных городов. КПРФ ранее не выказывала открыто свое отношение к бывшему соратнику. Теперь же Зюганов заявляет, например, в интервью радиостанции «Эхо Москвы» 3 февраля 1999 года, что существование такой организации – «это оскорбление страны, ее истории, памяти, культуры». Открещиваясь от РНЕ, коммунисты прежде всего «топят» своих конкурентов, отвоевывают голоса националистически настроенных избирателей. КПРФ расширяет сферу своего влияния: теперь это не только «старушки», распевавшие песни своей юности, не только люди, недовольные неустроенностью и нестабильностью и ищущие старых ответов на новые вопросы современности, но и те, кого захлестнули самые темные, низменные инстинкты расового превосходства, те, кто все свои беды сваливает на еврейскую диаспору или кавказскую мафию, на происки Запада и смешанные браки. В условиях кризиса, растущего недовольства и широкого распространения националистических идей опасность все увеличивающейся популярности КПРФ нельзя преуменьшать.

Белорусское национальное движение: мифы и реальность

Не без участия «советских белорусов», и особенно их президента, белорусское национальное движение приобрело негативный имидж у россиян. Белорусский президент подает себя как единственного человека, способного воспрепятствовать возникновению антирусских настроений и межнациональной вражды в Беларуси. В его выступлениях белорусские национал-демократы обвиняются во всех смертных грехах, им приписываются всевозможные несуществующие пороки, вплоть до территориальных требований к соседним государствам. Чего, например, стоит фраза: «...националисты отпетые, которые требуют забрать у России Брянскую, Смоленскую, Псковскую области и присоединить их к Беларуси, отказаться от всего русского» (из выступления 9 февраля 1999 года)! В то же время белорусские власти умышленно обходят стороной основные идеи белорусского национального возрождения, направленные на построение правового плюралистического демократического общества. В данной статье мы предлагаем краткий анализ белорусского национального движения и его основной силы – Белорусского народного фронта «Адраджэньне» – в ином ракурсе, поскольку, как нам кажется, радикально-националистический образ БНФ был во многом создан белорусскими властями, чтобы затушевать демократический проект организации белорусского общества, с которым Фронт всегда выступал, а позиция БНФ по вопросам языка и отношений с Россией подается в искаженном виде.

Национальное пробуждение народов бывшего Советского Союза, вызванное перестройкой, затронуло и Беларусь. Идеи суверенитета, а позже и построения национального государства подразумевали ликвидацию зависимости от всемогущего центра и одновременно мирное отстранение от власти старой коммунистической элиты на местах, что в целом было в русле демократизации и реформирования общества. Антикоммунистическая направленность, реформаторская риторика, переосмысление исторического прошлого были характерны для национальных движений в большинстве бывших советских республик, в том числе и в Беларуси. Однако, в отличие от балтийских республик и Украины, массовое политическое движение белорусских национал-демократов создавалось без поддержки со стороны властей, так как в рядах белорусской коммунистической партии отсутствовало реформаторское крыло. Поскольку в советские времена Беларусь была одной из самых благополучных в экономическом плане республик, «витриной реального социализма», то кризис советской системы и, соответственно, необходимость ее демонтажа были там менее очевидными. Более того, национальное самосознание белорусов было приглушено – как следствие исторической судьбы населения этой земли, которое было «не совсем польским» для Варшавы и «не совсем русским» для Москвы (и сегодня можно встретить белорусов, которые говорят, что они – «тутэйшыя», отождествляя себя с местностью, малой родиной). В итоге политика русификации была наиболее успешной, а белорусские коммунисты – наиболее консервативными и непримиримыми противниками перестроечных процессов. Не случайно Аляксей Адамович, который вынужден был уехать в Москву, называл свою родину в 1988 году «Ванделей перестройки».

Оппозиционная демонстрация в Минске. Ноябрь 1996 г.

Белорусские коммунисты чинили всяческие препятствия конституированию БНФ, который и по сей день остается основным носителем белорусской национальной идеи и самым последовательным критиком авторитарного режима Лукашенко. Свой учредительный съезд в июне 1989 года БНФ вынужден был проводить в Вильнюсе. В принятом уставе Фронт определял себя как «массовое социально-политическое движение за обновление общества и возрождение белорусской нации на принципах демократии и гуманизма». Однако массового характера идеи БНФ не приобрели. Партийно-коммунистическая номенклатура сохранила свое господствующее положение в обществе в результате парламентских выборов в марте 1990 года. Владея большинством мест в Верховном Совете, она как могла сдерживала реформаторский порыв 27 депутатов от БНФ (при общем числе депутатов в 260 человек). Она практически безоговорочно поддержала августовский путч 1991 года. Провозглашение независимости после путча было

продиктовано не столько искренностью национальных стремлений коммунистического большинства, сколько его страхом перед возможной утратой своего привилегированного положения в результате изменений, которые могли бы быть привнесены из, как представлялось этому большинству, слишком демократической России.

Неискушенному наблюдателю провозглашение независимости и смена символики могли бы показаться победой национально-демократических сил. БНФ всегда выступал за независимую Беларусь, и новая символика ассоциировалась именно с ним. Однако в действительности БНФ находился в стороне от реального процесса принятия решений, а то, что некоторые из его идей были воплощены, было скорее уступкой аморфной номенклатуры перед лицом постоянной активности демократического меньшинства. В то же время у простых людей сложилось мнение, что, когда произошла смена символики, сменилась и власть, и все недостатки и несправедливости переходного периода стали приписываться «демократам» и «националистам».

Белорусская номенклатура также смогла представить в глазах общественного мнения национально-демократическое движение как националистическую русофобскую силу, оставив в стороне демократическую модернизаторскую сущность его программы. Во всех документах БНФ говорится о необходимости построения открытого демократического общества, основанного на рыночной экономике и соблюдении прав человека. Даже если некоторые сочтут, что в них делается чрезмерный упор на развитие национальных языка и культуры, то нужно учитывать тот факт, что лидеры БНФ связывают построение демократического общества и возрождение духовности с наличием объединительной идеи, а именно с национальной государственностью (*nation-statehood*), которая невозможна без национального самосознания и национального языка. Через национальную государственность можно преодолеть стереотипы «советского» мышления и обеспечить развитие демократии и ее институтов. Желая ускорить проведение реформ и обеспечить дальнейшее продвижение Беларуси по пути национально-государственного строительства, лидеры БНФ стремились изменить соотношение сил в

Верховном Совете посредством проведения досрочных парламентских выборов. Так была выдвинута идея проведения референдума по вопросу организации новых выборов осенью 1992 года. Несмотря на то, что количество подписей, собранных в поддержку референдума, превосходило предусмотренное законом число, парламентское большинство отказалось назначить дату референдума, как того требовал закон. Осознав свое бессилие и наткнувшись на открытую враждебность и агрессивное невосприятие своих идей, БНФ все чаще стал прибегать к организации массовых выступлений, которые, в свою очередь, привлекали меньшее количество людей, чем раньше. Таким образом, произошла определенная радикализация белорусского национального движения, обусловленная нежеланием коммунистической номенклатуры пойти на компромисс и растущей политической апатией белорусского общества.

Критики БНФ постоянно заостряли внимание на двух аспектах его программы. Во-первых, они протестовали против якобы навязываемой Фронтом политики белорусизации. Возрождение белорусского языка действительно является одним из приоритетов Фронта, что, в общем-то, логично, если исходить из идеи построения национальной государственности в условиях, когда титульная нация составляет 77,4 % от всего населения. Помимо обвинений в искусственном насаждении языка оппоненты БНФ доходили до отрицания состоятельности белорусского языка как такового и факта существования белорусской нации. Печально знаменитая фраза А. Лукашенко, высказанная на сессии Гомельского горсовета 1 декабря 1994 года: «Люди, которые говорят на белорусском языке, не могут делать ничего, кроме как разговаривать на белорусском языке, потому что по-белорусски нельзя выразить что-то большое. Белорусский язык – бедный язык. В мире существуют только два великих языка: русский и английский», – яркий пример духовной нищеты советских белорусов. Национальный язык имеет для БНФ исключительно важное значение, ибо язык – это самое очевидное доказательство существования белорусского народа, средство его духовного возрождения. Формула «беларуская мова – душа народа» отражает уверенность, что через возвращение к национальному языку можно быстрее избавиться от советско-коммунистических догм, которые на деле усваивались через русский язык и через отказ от белорусского, считавшегося крестьянским и недоразвитым. В сфере лингвистической политики позиция БНФ – как нам кажется, вполне оправданная – сводится к тому, что при близости русского и белорусского языков (тем более что большинство населения говорит на смеси русского и белорусского, на «трасяницы») нужен лишь минимум усилий и немного желаний, чтобы белорусский язык вошел в обиход в государственных и учебных заведениях.

Во-вторых, Фронту приписывается органическое невосприятие России. Советские белорусы все еще продолжают верить в догмы царской и советской официальной историографии, согласно которым белорусы – это младшая ветвь великорусского народа и они на протяжении всей своей истории стремились к воссоединению с Россией. Освещение исторических фактов, которые долгое время умалчивались и которые говорят, в частности, о развитии белорусского языка и культуры в средние века, о роли национального движения в начале XX столетия, о масштабах сталинских репрессий в межвоенный и послевоенный периоды (именно лидер БНФ Зенон Пазыняк открыл захоронения жертв сталинских репрессий в Куропатах), – все это шло вразрез с традиционными установками. Конечно, некоторая доля критики была направлена в адрес восточного соседа. Правда о масштабах чернобыльской трагедии и о ее преступном замалчивании коммунистами в Москве и Минске также является одной из важных тем, которые впервые поднял именно БНФ. Стоит подчеркнуть, что критика БНФ носит не антирусскую, а скорее антисоветскую направленность, хотя нельзя полностью отрицать определенную настороженность, а иногда и враждебность по отно-

шению к России части белорусских национал-демократов.

С другой стороны, как можно относиться к государству, в лучших друзьях которого ходят люди, открыто издевающиеся над национальным языком, позволяющие себе рвать на части национальный флаг и в честь этого ставить на его лоскутах свои автографы, откровенно попустительствующие выходкам фашистских молодчиков из РНЕ? Более того, позиция России по отношению к Беларуси всегда носила двойственный характер, когда за внешне либеральной оболочкой постоянно прослеживалась политика поддержки наиболее удобных деятелей независимо от глубины их демократических убеждений. Фактически речь идет о ставке на силы, которые хотят реанимировать советскую империю и мечтают о новой холодной войне. Так, например, белорусский президент Лукашенко, который с момента своего прихода к власти в 1994 году стремился установить свое единоличное правление и маргинализировать политических оппонентов (и преуспел в этом), практически всегда получал безоговорочную поддержку у российских руководителей. Наиболее горький осадок остался у белорусской оппозиции (которая, кстати, на сегодняшний день состоит не только из БНФ, но и из либералов, социал-демократов и части коммунистов) от российской «посреднической миссии» в составе Черномырдина, Селезнева и Строева, когда они буквально спасли Лукашенко от импичмента накануне референдума 1996 года, в результате которого был разогнан парламент и расширены и без того «царские» – по словам самого Лукашенко – полномочия президента.

Обобщая, можно сказать, что отношения с бывшими советскими республиками являются своеобразным индикатором для определения степени нормальности России. Пока российская политическая элита не признает необратимость независимости бывших братьев по СССР и не осознает, что России выгодно иметь в качестве партнеров равноправные независимые государства, отношения с которыми, чтобы не являлись вновь фантомы прошлого, лучше строить на двусторонней основе, до тех пор все российские инициативы будут встречать недоверие и подозрительность. В то же время национальным движениям в бывших советских республиках стоит признать, что эти страны «обречены» на хорошие отношения с Россией и что в их интересах стабильность и предсказуемость России.

С этой точки зрения белорусско-российская интеграция являет собой нечто прямо противоположное. Президент Лукашенко, всячески преследуя национально-демократические силы и тем самым препятствуя нормализации белорусского общества, искусно играет на ностальгических чувствах россиян, оттягивая их внимание от внутренних проблем России и тем самым отдаляя нормализацию российского общества. На тот случай, если очередные объединительные инициативы белорусских и российских интеграторов приведут к поглощению Беларуси и к выходу белорусского президента на российский политическую арену, БНФ и другие антилукашечковские силы не отрицают возможность своего преобразования в национально-освободительное движение. Не хочется верить, что такой, в чем-то похожий на североирландский, сценарий развития событий приемлем как для Москвы, так и для Минска.

На эмблеме БНФ изображен герб «Пагоня», который в 1991–1995 годах был государственным символом независимой Беларуси

Коричневые в Беларуси

Гитлер сплотил народ, поднял экономику, вот только вторая мировая война – это его большая ошибка.

А. Г. Лукашенко (обыкновенный белорусский президент)

Стул больного твердый, коричневый, со специфическим запахом.

Выдержка из карточки больного

Есть такое место на карте Европы, где обвинение в фашизме (читай: нацизме, национализме) можно услышать от сограждан в транспорте и на улице только за то, что разговариваешь на языке этой страны, или за то, что ты придерживаешься идеи национальной независимости. Эта загадочная страна – Республика Беларусь. Начиная рассказ о коричневых в Беларуси, отмечу, что я не считаю таковыми людей, разговаривающих на родном языке, выступающих за независимость и стремящихся возродить белорусскую культуру. Хотя желание нашего президента (о нем поуже) было бы исполнено, если бы весь мир видел в партиях типа БНФ (Белорусский народный фронт) и БСДГ (Белорусская социал-демократическая грамада) не демократическую оппозицию, а нацистскую заразу, мешающую объединению братских народов. Коричневых в Беларуси можно поделить на две группы: русские (филиалы и организации с ярко выраженным русским шовинизмом, имеющие своей целью присоединение Беларуси к России и т. д.) и белорусские (то есть партии и движения национал-патриотического характера, стоящие на платформе независимости и главенства белорусской нации).

Итак, начнем с первых. Я думаю, не стоит заострять внимание на их идеологии, так как это в основном группы «ксерокопированного» типа, и их идеология не отличается от «оригиналов». В первую очередь к русским коричневым следует отнести белорусское отделение РНЕ, которое все активнее действует на территории Беларуси. Недавно в Гродненской области была задержана машина, везущая гору РНЕ-шной литературы, а Гродненская область самая западная в стране, дальше уже Польша. У РНЕ есть свои, пусть и немногочисленные, группы в Минске, Гомеле, Витебске и – еще более мелкие – в других городах. Активизировалось РНЕ на территории Беларуси в начале девяностых. Никаких видимых акций на данный момент не проводит. В 94-м году оно пыталось организовать патрулирование минского метрополитена, но одного рейда БЗВ (Беларускае згуртаванне вайскоўцаў – националистическая организация, ныне уже не существующая) против РНЕ хватило, чтобы баркашовцы исчезли со станций. В 98-м несколько скинхедов приблизилось к оппозиционному митингу с криками: «Русской земле – русский порядок!» Дошло до драки. Милиция забрала баркашовцев и тут же отпустила. В основном действия РНЕ на территории Беларуси ограничиваются раздачей литературы и хулиганскими выходками.

Еще одной организацией с шовинистическими взглядами является СС (Славянский Собор) «Белая Русь», в ряды которого входят люди разных возрастов. Эта партия поддерживает президента Лукашенко и плотно сотрудничает с газетой «Славянский набат». От членов этой партии мы можем узнать о таких открытиях в области этнографии, как, например: «Белорусской нации не существует, это часть русского этноса, испорченная католицизмом и поляками» – и т. д. Основное занятие этой партии – организация различных семинаров и агитация через СМИ. Статьи ее членов часто появляются в общеполитической газете «Знамя юности». Есть в Беларуси также мифический филиал Национал-большевистской партии. В начале 90-х активистом этой партии был В. Селеванов, но сейчас он сотрудничает с БПСМ (Белорусским патриотическим

союзом молодежи – пропрезидентской молодежной организацией, таким «лукамолодом»), и об НБП в Беларуси сегодня ничего не слышно.

Рассказ о партиях второго типа следует начать с организации под названием «Правый реванш», основанной в начале 90-х белорусским поэтом Алесем Адамовичем. Организация эта была ответом на активизацию РНЕ в Беларуси. Ее создал именно тот Адамович, которому суждено было впоследствии стать первым политзаключенным лукашенковского режима за стихотворение «Убей президента». «Правый реванш» стал первой организацией открыто националистического толка, но ее акции – хождение под факелами по ночному городу, съезды, которые заканчивались в местных РОВД, – служили, скорей, обычной рекламой особы Адамовича и его творчества. В президентском агитационном фильме «Ненависть. Дети лжи» его высказывания были искусно поданы и помогли создать имидж БНФ как коричневой заразы. В настоящее время об этой группе ничего неизвестно, а Адамович живет и творит.

К партиям, действующим в настоящее время, можно отнести БПС (Белорусскую партию свободы), которая активизировалась в 94-м году, во время антипрезидентских волнений. О ней стали много писать после выпуска ею листовки, которая была воспринята оппозицией как гзбэшная провокация. Содержание листовки типично для партий националистического характера. В ней говорилось, что сейчас настал момент, когда белорусы должны прогнать со своей земли кавказцев, евреев и «москалей», и дальше в таком же духе. БПС не зарегистрирована. Издает периодически листовки и газетки, в которых каждый желающий может почерпнуть указания, как отличить еврея от настоящего арийца. Идеология партии носит национал-патриотический характер с основным упором на независимую Беларусь, в которой должны править настоящие (!?) белорусы.

Говоря о национализме, нужно также упомянуть военизированную организацию «Белый легион», возникшую из БЗВ (о них было выше) и части людей, приколовшихся к националистической эстетикой. «Легионеры» посещают оппозиционные митинги, имеют прочные контакты с УНА-УНСО, однако, одновременно с этим, называют себя антифашистами и восхищаются Эрнесто Че Геварой. Кроме перечисленных уже организаций можно вспомнить «Правый фронт искусства», который объединял музыкантов, художников, писателей с националистическими взглядами, но, за исключением одного концерта лет пять тому назад, посвященного годовщине «Краёвай абароны», ничего не предпринимал, поэтому, я думаю, про него можно забыть.

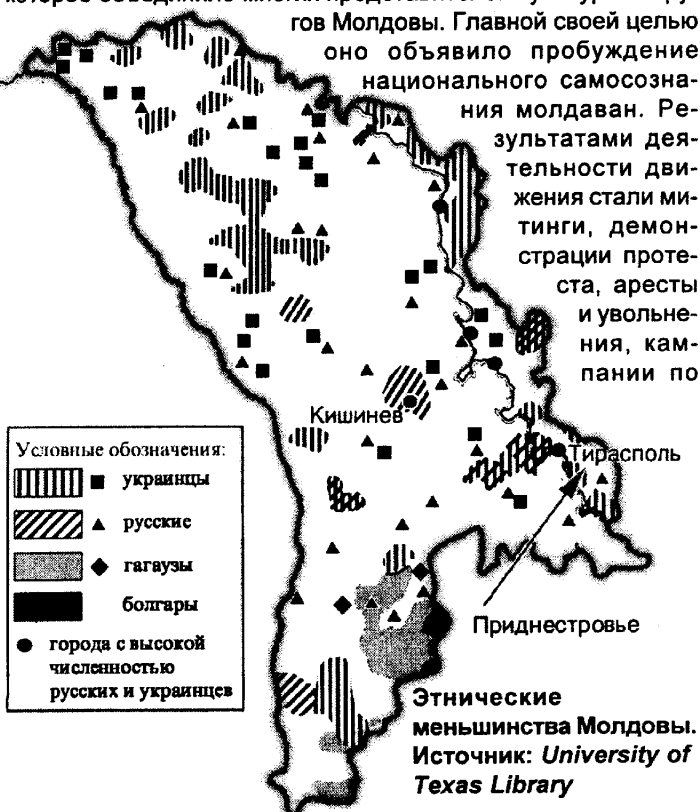
Ну, и совсем напоследок хочется отметить, что коричневые партии и движения не пользуются в Беларуси популярностью и действуют в основном на уровне субкультур. Обыкновенных граждан пугает радикализм, однако они вполне спокойно воспринимают восторг президента по поводу Гитлера. Самая большая проблема, как, впрочем, и в России, – так называемый доморощенный антисемитизм и расизм, который служит питательной почвой для развития коричневых партий и прочих патологий.

Этнополитическая ситуация в Молдове

Затишье и умиротворение, казалось бы наступившие в межэтнических отношениях в Молдове после кровопролитной приднестровской войны, скоро могут закончиться. На рассмотрении парламента Молдовы внесен ряд инициатив – о прекращении перевода на русский язык рабочих документов парламента, а также о прекращении издания русского выпуска «Официального монитора», в котором публикуются все законы, принятые парламентом, указы президента и постановления правительства, и о прекращении перевода законопроектов для депутатов, не владеющих государственным языком. Среди русскоязычного населения (которое, кстати, составляет около 35% всего населения республики) опять пронеслась волна опасений и недоверия: уж не возвращается ли все на круги своя? Повторения событий конца восьмидесятых – начала девяностых не желает никто: слишком много жертв было принесено в угоду национальным амбициям. В последние годы тяжелое экономическое положение в республике как бы отодвинуло национальный вопрос на второй план, но нерешенный приднестровский конфликт и присутствие большого количества этнических меньшинств не дают о нем забыть. Особую остроту вопрос приобретает в пылу предвыборных гонок, когда голоса меньшинств могут сыграть решающую роль. Да и сторонники идеи объединения с Румынией не дремлют и без конца муссируют эту тему в печати. Им, кстати, и принадлежат упомянутые инициативы. Но скорее всего, это предвыборный трюк, так как близятся выборы в местные органы власти, а сторонников главной организации правых радикалов – Христианского демократического народного фронта – не так уж и много. Это показали и прошедшие в 1996–1997 годах президентские и парламентские выборы. Правда, на последних парламентских выборах фронтисты, объединившись с Партией возрождения и согласия экс-президента Мирчи Снегура, тоже крайне правой, набрали 22% голосов избирателей – как отмечают наблюдатели, в значительной мере за счет имени бывшего президента. И вот спустя десять лет они вновь решились разыграть национальную карту.

Национальные волнения в Молдове начались стихийно: в 1988 году возникло литературное движение «А. Матеевич», которое объединило многих представителей культурных кругов Молдовы. Главной своей целью оно объявило пробуждение национального самосознания молдаван. Результатами деятельности движения стали митинги, демонстрации протеста, аресты и увольнения, кампании по

Этнические меньшинства Молдовы. Источник: University of Texas Library

сбору подписей за объявление молдавского языка государственным и возвращение к латинской графике.

Своего апогея национальное движение достигло в 1989 году – тогда молдавскому языку и был придан статус государственного. Значительную роль в этом сыграл и Народный фронт Молдовы, объявивший себя антиимпериалистическим (в смысле «антироссийским») и антикоммунистическим движением. Однако, ухватившись за идею объединения с Румынией, народнофронтовцы стали проводить жесткую политику в отношении национальных меньшинств, используя для этого все возможные средства. Русские школы стали закрываться, начались массовые избиения граждан, не владеющих государственным языком. Газеты тех лет пестрели лозунговыми заголовками вроде таких: «Русским оккупантам здесь не место!», «Чемодан – вокзал – Россия», «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!». Несмотря на то, что наиболее многочисленное этническое меньшинство Молдовы составляют украинцы (около 13,8%) и только затем – русские (около 13%), приблизительно для 80% меньшинств – украинцев, болгар, евреев, гагаузов – русский является первым языком и многие из них рассматривают свою культуру как русскую.

В обществе стали все чаще проявляться и антисемитские настроения. По некоторым данным, в 1990 году 77,5% эмигрирующих из Молдовы евреев заявили, что они сами или их близкие были ущемлены из-за их национальной принадлежности, 87,5% эмигрантов отметили, что их больше всего тревожит в республике рост националистических и шовинистических настроений. Это во многом связано и с попытками правых экстремистов реабилитировать Иона Антонеску, румынского диктатора и союзника Гитлера, на совести которого немало злодеяний. 300 тысяч евреев было уничтожено на территории нынешней Молдовы по его приказу. Оправдания основываются на том, что Антонеску был единственным политиком, не пожелавшим дальнейшего расчленения Румынии и стремившимся хоть и силой, но вернуть Бессарабию и Северную Буковину, отошедшие к России согласно пакту Молотова – Риббентропа. Поэтому и отношение к датам 9 мая и 24 августа в Молдове двоякое.

Одни отмечают 9 мая как день победы над фашизмом, а 24 августа – как день освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков, другие, в свою очередь, считают, что эти даты знаменуют начало новой «эпохи порабощения» и продолжение русской интервенции. Ветераны армии Антонеску настаивают на присвоении им особых прав как участникам второй мировой войны: «не имеет значения, на чьей стороне ты воевал – гилеровской Германии или Советского Союза». В начале девяностых по стране прокатилась волна митингов и демонстраций, на которых выдвигались требования относительно льгот для ветеранов, воевавших на стороне СССР, – льгот, по мнению митингующих и демонстрантов, совершенно незаслуженных: на них имеют право лишь те, кто действительно боролся за независимую и свободную от «оккупантов» и «красной заразы» страну. Подобного толка пикеты у здания российского посольства в Молдове состоялись и совсем недавно – требования все те же.

Конечно, результатом столь яркого правого радикализма можно считать и постоянное напряжение в обществе – не сегодня, так завтра могут повториться события девятилетней давности. Политика «отпущенных тормозов», начавшаяся в то время в постсоветских государствах, в том числе и в Молдове, дает свои всходы сегодня. Ее цель – полностью разрушить существующую систему и действовать по велению масс, то бишь национальных движений. Очень часто это вызывает обратную реакцию – радикализм левых. В Молдове возникшее одновременно с Народным фронтом Интердвиг

жение, главной целью которого является поддержка и защита национальных меньшинств, на начальном этапе и выполняло эту функцию. Однако постепенно, все больше вдаваясь в полемику с оппонентами, Интердвижение выработало свою политику: выкрикивать, что в Молдове бьют русских, но не пытаться как-то решить проблему, а лишь усугублять ее, без конца повторяя о растущей агрессии против русских и о русофобии – и тем самым становясь на одну ступень с народнофронтовцами. Бесспорной ошибкой этого движения явился его переход на ультракоммунистические аргументы в экономике. На последних парламентских выборах левые в борьбе с центристами впервые апробировали, правда безуспешно, антисемитизм. И у Интердвижения, и у главного центрального блока близкий по национальному составу электорат – русскоязычные, но в итоге Интердвижение даже не преодолело 4-процентный барьер. Это говорит о том, что «главный защитник национальных меньшинств», как его раньше называли, потерял людское доверие и навряд ли приобретет его вновь.

Противостояние правых и левых радикалов является одним из препятствий и в решении приднестровского конфликта. Чуть ли не в каждом номере еженедельной правоэкстремистской газеты «Литература ши арта» Союза писателей Молдовы встречаются статьи о «геноциде» по отношению к коренному населению на левом берегу Днестра и призывы

расправиться с «сепаратистами». Все это затрудняет мирные переговоры и оттягивает решение проблемы на неопределенное время.

Каковы же прогнозы дальнейшего развития этнополитической ситуации в Молдове? Не исключено, что на президентских выборах 2000 года победит представитель правой партии, так как у центристов не будет яркой личности, способной набрать необходимое количество голосов. Экономический кризис, наступивший в то время, когда у власти находились центристы, во многом способствовал созданию их негативного имиджа даже у русскоязычного населения. За коммунистов же всегда голосовало старшее поколение, но, как предполагается, большинство пожилых людей голосовать просто не пойдут, так как потеряли всякое доверие к власти. Старшее поколение представляет значительную часть русскоязычного населения. Все это и дает карты в руки правым радикалам. Не исключено поэтому, что этнополитическая обстановка и замороженный приднестровский конфликт могут обостриться. Впрочем, возможен и другой, оптимистичный вариант – признание приоритетности экономических задач и реформ и замораживание всех вопросов, способных дестабилизировать общество.

Наталья Синяева
Кишинев

Размышления сербского студента

Этот материал представляет собой перевод статьи из голландского журнала *"Buiten de Orde"* (№ 3 за 1998 год). Понятно, что, публикуя его, мы не собираемся присоединяться к хору голосов в защиту режима Милошевича. Наша газета никогда не выступала ни с «просербских», ни с «проалбанских», ни с «пронатовских» позиций. Мы всегда считали своим долгом рассказывать читателю об опасности агрессивного национализма, о тех неисчислимых страданиях, которые он несет людям. Автору публикуемого текста, безусловно, есть что сказать на данную тему.

Я приехал в Приштину потому, что мне не удалось попасть в университет в Белграде; в Приштине я к тому же сумел найти бесплатную комнату. В наши дни это очень существенно: я не могу вынуждать моих родителей платить сто немецких марок за мое жилье сверх того, что они и так дают мне на образование. Когда меня зачислили на первый курс, мне было совершенно все равно, чем заниматься. Единственное, что имело значение, была бумажка, дававшая мне отсрочку и тем самым спасавшая от службы в армии. Как видите, тогда я не слишком интересовался учебой в университете.

Дреница

Интересно, что всякое место может по-разному восприниматься, в зависимости от того, с какой стороны ты на него посмотришь. Для сербов Дреница – рассадник терроризма, и события, начавшиеся там в прошлом марте, были успешной антитеррористической операцией. Для албанцев Дреница стала святыней, местом битвы албанского народа за свободу и независимость (забавно, что, как мне кажется, положение Дреницы под властью албанцев очень напоминает положение Косово под властью сербов).

Что же там случилось на самом деле? Я думаю, что правду о случившемся знают только те, кто там присутствовал. За эти несколько дней там было убито множество людей, в том числе женщины и дети. Я думаю, что трагедия произошла из-за разницы в культурах двух живущих там народов. В районе вокруг Дреницы сербов воспринимают как захватчиков с

начала балканских войн. Там царит полнейший патриархат. Вся семья живет на одном хуторе, и старший воспринимается почти как бог. Поэтому, когда полиция начала антитеррористические акции, террористы могли укрыться благодаря помощи своих семей, чьи обнесенные толстыми стенами дома становились буквально маленькими крепостями. По обе стороны гибли люди, ненависть возрастала, и в такой ситуации уже не смотришь, в кого и за что ты стреляешь. Последствия были более чем ужасны...

Самое худшее – это ожидание, во всяком случае, для меня. В те дни, когда в Дренице творились все эти ужасы, в Приштине царил полный хаос. Сам не знаешь, как ты должен себя вести. Всего в пятидесяти километрах от тебя идет настоящая маленькая война. Люди боятся, на каждом шагу встречаешь полицейских в полном вооружении. Студенты массами покидают город, демонстрации албанцев выходят из-под контроля. Сербские и албанские студенты бросаются друг на друга с кулаками, полиция разгоняет демонстрации...

Но знаете, что самое страшное? Тот факт, что человек – это животное, которое ко всему приспосабливается. После всего этого хаоса люди стали вести себя так, будто ничего не случилось. Ежедневные демонстрации протеста продолжают, полицейские в бронезилетах стали неотъемлемой частью улицы, но на это никто больше не обращает внимания. И хотя по ночам стало меньше движения, но люди ко всему привыкают, равнодушно идут мимо и продолжают жить своей жизнью.

Массовая психология

Никто из нас не выбирает, где ему родиться, но по месту рождения мы автоматически, в обязательном порядке становимся членами какой-то группы людей, называемой «народ». На тебя наклеивают этикетку – серб, хорват, албанец, мусульманин (интересно, что только у нас мусульман считают народом). И ты уже должен знать, как себя нужно вести в этой группе. Нужно пытаться идентифицировать себя с этой бесформенной группой и не слишком уклоняться в сторону, иначе эта самая группа настроится против тебя, так как ее члены не хотят неравенства.

Чувствую ли я себя сербом? Хм, я этого не знаю. Я не традиционалист, но полагаю, что во мне наверняка засела хоть какая-то любовь к родине, любовь к этой земле, этим людям, этой культуре, но не к этому государству. Я не знаю и того, в какой мере я антинационалист или в какой мере я заодно с сербским режимом, сколько дружеских контактов с албанцами я сохраню в случае, если завтра разразится-таки война. Ведь я буду вынужден выбрать сербскую сторону: так или иначе, но я же принадлежу к сербскому народу по рождению, и это факт, с которым мне придется считаться всю жизнь, — ужасно, печально, но это так. Я не утверждаю, что я действительно ринусь в бой, но в настоящее время об этом еще трудно говорить.

Интересно, до какой степени люди могут быть подчинены толпой! Как сила «массы» может воздействовать на индивидуума, управлять им, как он перестает думать самостоятельно и просто делает то, что делают все... Я смотрю на протестующих албанцев, на то, как они идут толпой — два пальца вверх или еще какой-нибудь знак, я смотрю на то, как полиция бьет их... Отдают ли эти люди себе отчет в том, что они делают, и почему они делают то, что делают? Я сомневаюсь в этом. Это — психология толпы. Толпой так легко манипулировать!

Самое ужасное, что и мной, возможно, манипулируют, да так, что я об этом и не знаю. Я тоже пошел на сербскую демонстрацию — не для того, чтобы поддержать ректора Поповича, и не с целью подразнить албанцев, но только ради того, чтобы выразить мой протест против всего этого дерьма, в котором мы оказались. Я знал, что этот протест будет искажен средствами массовой информации, я сознавал, что я, следовательно, буду использован в чьих-то политических целях, но все же я пошел — так велело мне сердце в тот момент. Я хотел выразить мою солидарность с теми людьми, которым надоело все это и которые просто хотят жить в мире, без страха перед очередным кровавым четвергом, субботой, байрамом...

Соглашение об образовании

Итак, было подписано соглашение об образовании. Албанцы вернутся на факультеты, откуда они, как они говорят, были изгнаны семь лет назад. Позвольте разъяснить: никто не врывался в здания и не тащил их наружу, никто не мешал им посещать лекции. Они сами ушли из университета, объявив бойкот из-за упразднения автономного статуса края Косово. Таким образом албанские политики лишили возможность учиться десять поколений молодежи, так как с того самого дня их система образования была сведена к нулю. Параллельный университет — это просто смешно, и они это тоже знают, так что одни посылают своих детей учиться за границу, а другие вообще получают полуподпольное образование в частных домах. Я ничего не имею против возвращения албанцев в университет, даже если они будут учиться на собственном языке, но лишь если они хотят только образования. Похоже на то, что прежде

Албанские беженцы из Косово. Весна 1999 г.

угрозой для меня самого. Я — тот самый, в кого летят их камни, я тот самый, на кого они кричат «бу-у-у». Их меньшинство среди студентов, поэтому они ненавидят меня за то, что я серб. Самое подлое, что человек перестает восприниматься сам по себе со всеми своими достоинствами и недостатками, и судят его уже не по ним. Ненависть огромна. На деле это все тот же страх за свою жизнь, который нельзя вытравить и который поэтому порождает ненависть. Мерзавцам было легко подписывать соглашение

об образовании, но остается вопрос, как оно будет осуществляться. Сербские и албанские студенты будут физически отделены друг от друга, но какое это может иметь значение в студенческом городке? Много, много будет драк!

На албанских демонстрациях я видел плакаты по-английски: «America, you can do it!» или «Nato, just do it!». При передаче ключей от бывшего биологического факультета — ныне Института албанистики — албанцы кричали: «Америка, Америка!» Это правда, что албанцы сейчас пользуются поддержкой Америки, но неужели вы думаете, что это оттого, что Америку так беспокоит установление демократии и прав человека (которые она и сама не всегда соблюдает) у каких-то там двух миллионов албанцев в каком-то там Косово? Плевать они на это хотели, все что им надо — это соблюдение их интересов, и Косово — удобное место для ведения политической игры. После падения Берлинской стены и развала Советского Союза существование такой структуры, как НАТО, лишено основания, приходится искать для нее новое назначение. Теперь НАТО взяла на себя роль мирового жандарма. Будучи единственной в данный момент реальной империалистической державой, Америка должна расширять свое влияние, чтобы выжить, а это означает необходимость установления контроля над все новыми и новыми регионами.

НАТО уже в Восточной Европе — Босния, Македония; войска формируются под предлогом поддержки той или иной «мирной» власти (например, балканской мирной власти), но под их руководством ломают себе шею новообразованные государства, пытаясь добиться признания, — и все это во имя мира и стабильности в регионе. Мир с трещиной! Контроль, брат мой, контроль!

В действительности Восточная Европа — это новый объект эксплуатации теперь, когда Южная Америка уже почти вычерпана. «Давайте продадим им наш капитализм: нам это выгодно, а не захотят — можем и насильно навязать. И давайте-ка их как можно сильнее использовать! Косово удобно расположено с точки зрения геостратегии, и кроме того, там много природных ресурсов. Так что давайте-ка поможем его жителям создать свое собственное государство под нашим протекторатом. Тем временем мы будем использовать уже сложившийся стереотип о сербах-агрессорах и будем бороться с ними, выступая в нашей всегдашней роли защитников мира и демократии. Тем самым мы завоюем общественные симпатии». Это старая история о новом мировом порядке, но при всей ее очевидности некоторые люди никогда ее не поймут.

Пару дней назад мы небольшой группой сидели в излюбленном месте встреч студентов между тремя магазинами. Мы пили пиво и сок. Наконец-то настала весна, и мы наслаждались хорошей погодой. К нам подошел албанский парень. Он работает в столовой. Некоторые из нас его знали и позвали выпить пивка. Он согласился. Итак, мы пили пиво и смеялись, расслабленно и беззаботно. Конечно, не обошлось без разговора о политике. В какой-то момент албанец заметил: «Я уже сказал своим: вы хотите республику, но прокормит ли вас республика? Ни Ругова, ни Милошевич не придут ко мне, чтобы спросить, есть ли у меня еда для моих детей». □

Приштина. 2 марта 1998 г.

всего они хотят территориальной независимости и не желают больше иметь ничего общего с сербами. Извините меня, пожалуйста, но я такого поддержать не могу, так как это может стать

Рабочая партия Курдистана и курдский национальный вопрос

Почти в каждом номере нашей газеты мы обращаемся к теме геноцида курдского народа и истории борьбы курдов за национальную независимость и государственную автономию. К сожалению, курдский вопрос остается болезненно неразрешимым, и не только в Турции и Ираке, где курды подвергаются бесчеловечным преследованиям и уничтожению, но и для всей курдской диаспоры, рассеянной по миру, а также для международной общественности и различных политических сил, которые вот уже не один десяток лет вовлечены в курдскую проблему.

Именно в силу того, что слишком много разных политических интересов и идеологий разыгрывают курдскую карту, неоднозначным представляется вопрос об отношении к организациям, которые возглавляют национально-освободительную борьбу курдского народа, и прежде всего к Рабочей партии Курдистана (РПК).

Рождение РПК окутано тайной. Согласно западной версии, эта политическая организация была создана в 1978 году на территории Сирии под патронажем КГБ. Оружие для боевых подразделений РПК было получено при содействии чехословацких спецслужб. Таким образом, Организация Варшавского договора получила инструмент давления на Турцию, ключевую страну южного фланга НАТО.

Представители РПК излагают эту версию иначе. В 1978 году Абдулла Оджалан (впоследствии бессменный лидер РПК) и несколько его единомышленников создали в одном из университетов Анкары марксистскую группу «Курдская рабочая партия». Сравнительно быстро численность этой организации выросла до 300 человек. Затем члены группы прошли обучение в долине Бекаа, в тренировочных лагерях палестинских вооруженных формирований. Группировка Оджалана получила боевое крещение в 1982 году, сражаясь на стороне палестинцев против израильской армии. Далее под эгидой РПК была создана военная организация «Армия освобождения народов Курдистана» (АОНК). С 1984 года она ведет боевые действия на юго-востоке Турции. Согласно этой версии, РПК никогда не пользовалась поддержкой стран Варшавского договора.

Четырнадцатилетняя война привела к гибели 25–30 тысяч человек и сровняла с землей приблизительно 3 тысячи турецких деревень. Только в боях с обеих сторон было потеряно примерно по 10 тысяч человек. Кроме того, были убиты 5 тысяч «джашей» — так курды называют соплеменников-коллаборационистов. Из юго-восточных провинций на запад Турции хлынул поток курдских беженцев.

Вместе с тем президент Турции Сулейман Демирель в своих официальных заявлениях не устает подчеркивать, что в его стране нет «курдской проблемы» — есть проблема курдского терроризма. Многие западные страны, в первую очередь США, Англия и Германия, разделяют точку зрения турецкого президента и под тем предлогом, что каждый курд — потенциальный террорист, отказывают беженцам из Курдистана в политическом убежище. Например, в январе этого года двоих из 260 беженцев-нелегалов в Германии, которые уже в течение года протестуют против насильственной депортации их в Турцию, снова пытались выдворить из страны.

Наконец, после того как Италия отказала руководителю РПК А. Оджалану во въезде в страну под тем предлогом, что он обвиняется в террористических действиях против турецкого правительства, и потому, что он активно пропагандирует свою приверженность социалистическим и коммунистическим идеям, Оджалан был арестован в Кении и депортирован в Турцию. Однако до момента ареста вокруг его фигуры бушевали страсти, в которые оказался вовлечен Салман Радуев. Радуев, находясь в сотрудничестве с турецкой крайне правой националистической организацией «Серые волки», пытался узнать местопребывание Оджалана и высказывал предположение, что лидер РПК скрывается на территории России или, возможно, в районе Нагорного Карабаха. Радуев убежден, что Оджалан не имеет ничего общего с национально-освободительным движением и непосредственно сотрудничает с российскими спецслужбами (*"Reports of the Washington Kurdish Institute", 1999*).

А. Оджалан — автор многих работ по теории социальных революций и научному социализму. На страницах его книг щедро рассыпаны хорошо знакомые по советским газетам и партийно-пропагандистской литературе штампы о социальном прогрессе и непримиримой классовой борьбе пролетариата против гидры мирового капитализма, утверждается возможность новой Октябрьской революции, на сей раз в Курдистане. Кстати, в 1997 году в Москве был издан фундаментальный труд А. Оджалана «Социализм и проблемы революции».

Понятно, что страшась коммунистической заразы страны западной демократии оказывают если не откровенно военную, то, во всяком случае, политическую поддержку прокапиталистической Турции против курдских партизан-коммунистов. Напротив, правительства тех стран, где большое влияние имеют левые, обвиняют Турцию в использовании фашистских методов по отношению к курдскому населению и симпатизируют РПК. Точно так же обстоит дело и с негосударственными общественно-политическими организациями и партиями в самых разных странах Европы: сторонники левых идеологий поддерживают РПК, а те, кто не разделяет коммунистических идей, скорее

выступают с осуждением проводимой РПК политики. В нашей стране курдский вопрос традиционно привлекает внимание коммунистов из КПРФ, а также членов ЛДПР, время от времени национал-большевиков из партии Э. Лимонова и участников других подобных политических объединений. Так, депутаты Государственной Думы от фракций КПРФ (Л. Петровский, С. Митрохин, О. Миронов, Ю. Никифорова) и ЛДПР (М. Бурлаков) приняли участие в заседании Парламента Курдистана в изгнании (ПКИ), которое состоялось 12 апреля 1995 года в Гааге.

Тем не менее вопрос идеологической ориентации или исторически сложившееся противостояние некоторых стран из-за зон влияния на Ближнем Востоке не исчерпывают всей глубины проблемы. В декабре 1997 года Турции все же отказали в приеме в Европейский союз. Главными причинами стали массовые нарушения прав человека, в особенности представителей национального меньшинства — курдов, применение пыток к политическим заключенным и прочие несоответствия Всеобщей декларации прав человека, приня-

той ООН. Вместе с тем Парламент Курдистана в изгнании был признан парламентами Голландии, Бельгии, скандинавских стран, Испании, Италии, Греции, России, Болгарии, Югославии и ЮАР. ПКК объединяет депутатов, представляющих курдские и ассирийские диаспоры США, Канады, Австралии, СНГ и большинства стран Европы и стремится привлечь внимание международной общественности к курдской проблеме.

Помимо Турции есть еще один аспект курдского вопроса: это Иракский Курдистан. Треть населения Ирака составляют курды, проживающие в Курдском автономном районе на севере страны, который существует как административная единица с апреля 1991 года. По приказу Саддама Хусейна 17 марта 1988 года против курдского города Халабджа было использовано химическое оружие. Погибло более 7 тысяч человек. В сентябре 1997 года 30-тысячный корпус турецких войск при поддержке авиации и тяжелой техники под предлогом борьбы с военными базами РПК беспрепятственно вторгся на территорию Иракского Курдистана, которая, следует заметить, является буферной зоной ООН.

Новый поток беженцев хлынул в Европу, разжигая на сей раз националистические чувства в европейцах, не слишком гостеприимно встречающих непрошенных гостей. Большое количество курдов за долгие годы преследований на родине нашли прибежище в России, однако многие из них подвергаются унижительной проверке документов и личному досмотру — также как грузины, чеченцы, азербайджанцы и т. д.

Гневом и сочувствием наполняется сердце, когда читаешь следующие слова: «Почему мы вынуждены кочевать по странам и континентам в поисках прав, продекларированных... еще 50 лет назад... [и] миллионам людей доставшихся просто по праву рождения?.. Потому что я — курд, представитель самой крупной нации, не имеющей своего государства. Потому что я родился на территории турецкого Курдистана, в котором, по официальной версии, курдов нет, а есть горные турки... Мне отказано даже в праве называть себя тем, кто я есть на самом деле... Мне запрещено говорить на языке, который тысячелетиями хранили и совершенствовали мои предки... Государство, в котором я имел несчастье родиться, предоставило мне только одно право: или признать себя «горным турком», отказавшись от своей истории, культуры, языка... или умереть, правда тоже на выбор: или, протестуя, в тюрьме, или, борясь, в горах с оружием в руках, или «мирно» в деревне, когда настанет ее черед быть стертой с лица земли... И мы пользуемся этим правом, мы выбираем! Мы поднимаемся в горы, и 14 лет, противостоя государственной армии, крепнут отряды курдских повстанцев... которые хотят, чтобы осуществились их права на Родину, на свободу, на уважение!» («Стон Родины», 1998, № 7-8. С. 5).

Какую позицию мы, антифашисты, должны занять в курдском вопросе? Национально-освободительное движение

курдского народа, безусловно, требует поддержки мировой общественности. Вместе с тем в центре этой борьбы — РПК, партия сталинского типа. Нельзя не признать, что в результате действий РПК курды добились ряда успехов; например, в 1994 году турецкие власти легализовали навруз, который стал курдским национальным праздником и инициатива празднования которого принадлежит РПК. Для многих курдов надежда на свободу и мир связана с РПК. Однако РПК нередко конфликтует с другими курдскими политическими партиями, прежде всего с Демократической партией Курдистана (ДПК) под председательством Масуда Барзани (Курдский автономный район Ирака). РПК обвиняет ДПК в чрезмерном либерализме и заигрывании с капиталистическими странами Запада, а также антикурдскими правительствами Турции и Ирака. Сторонники РПК предпочитают обвинять США в разжигании междоусобной розни в Курдистане, вместо того чтобы признать в идеологической причине разногласий. Литература, в которой освещается деятельность РПК, носит очевидно пропагандистский характер и грешит постоянным передергиванием фактов и преувеличениями (например, количество вторгшихся на территорию Ирака турецких войск варьируется в разных статьях в зависимости от эмоционального накала автора). Да и сама деятельность РПК окутана плотной завесой тумана, и немудрено, что многие приписывают ей даже те грехи, которых она не совершала. Также не красит образ РПК и опыт военных действий против Израиля, который в очередной раз убеждает, что националистически настроенные люди глубоко чувствуют только свое горе и легко становятся причиной страданий других. Наконец, взглянув на ряды тех, кто выступает с поддержкой РПК, наталкиваешься зачастую как раз на своих идеологических противников, с которыми ни при каких обстоятельствах не хочется быть на одной стороне баррикады. В курдской проблеме большое значение имеет, безусловно, сложившееся еще в период «холодной войны» противостояние стран бывшего социалистического блока, с которыми курды как раз и связывают надежды на помощь, и НАТО.

Мне представляется, что для определения своей позиции все же надо разводить вопросы об отношении к курдскому национально-освободительному движению и об отношении к деятельности РПК. Курды должны получить национальную независимость и автономное управление. В этом большую роль может сыграть активная позиция международных правозащитных организаций, подобно тому как международное сообщество способствовало образованию государства Израиль. Однако всегда есть опасность того, что лидирующая в национально-освободительном движении партия тоталитарного толка, вроде РПК, после прихода к власти может оказаться агрессивной националистической по отношению к новым национальным меньшинствам, которые возникнут после перестановки сил. Нам известны такие повороты истории и в сегодняшней Югославии, и в России, и в Чечне...

МАРА

Подготовлено по материалам журналов «Дружба» (1998, № 3) и «Radical» (1998, № 155), а также газеты «Стон Родины» (1998, № 5-6, 7-8).

BBC

В Красном Селе воздвигнут памятник эсэсовцам

23 августа 1998 года в Красном Селе – пригороде Санкт-Петербурга – был открыт и освящен настоятелем местной церкви памятник норвежцам, погибшим на Ленинградском фронте во время блокады города. Памятник, точнее могильный камень, поставлен на территории и под охраной церкви святого Александра Невского (в народе она называется «Синяя церковь», так как старинное деревянное строение выкрашено в яркий синий цвет).

Во время блокады Красное Село находилось в тылу немецкой армии, а в январе 1944 года там проходили кровопролитнейшие бои, так что солдат – с обеих сторон – там погибло много, и большая часть из них не имеет могил. Среди них около пятидесяти солдат норвежского легиона.

Об открытии памятника нам сообщили из Норвегии. Журнал ветеранов-нацистов «Народ и страна» (*"Folk og land"*) напечатал статью, в которой подробно описывалась вся процедура освящения памятника отцом Евгением Ефимовым. Странно, не правда ли? Неонацистская пресса в Норвегии ликует по поводу этого события, а в российской печати нет о нем ни слова. Думается, что в нашей стране многим, независимо от политических убеждений, нашлось бы что сказать об этом.

По словам председателя приходского совета Синеи церкви Ольги Борисовны Поликарповой, норвежцы, погибшие в Красном Селе, были насильно пригнаны под Ленинград: «Они хотели служить в Финляндии, а не воевать в России, их обманули, и они стали просто пушечным мясом». Но стоит лишь обратиться к истории этого легиона, и становится ясно, что утверждение о невинности солдат, якобы павших жертвой обмана и принуждения, – явная ложь. Норвежский легион состоял из добровольцев. За пять лет, в течение которых Норвегия была оккупирована Германией, в *Waffen SS* добровольно вступили 15 тысяч норвежцев. Из них 7 тысяч были посланы на восточный фронт, и 700 человек там погибло. В Норвежский легион, посланный на Ленинградский фронт, записалось 1900 человек. Согласно пропаганде Квислинга, главы нацистской норвежской партии (*"Nassjonal Samling"* – сокращенно *NS*), Норвежский легион должен был стать ядром новой национальной армии Норвегии (со своей униформой и командным составом). На деле же легион стал подразделением *СС*. Солдаты носили эсэсовскую форму, а команды отдавались по-немецки.

Перед отправкой в 1943 году на Ленинградский фронт для участия в блокаде города каждый солдат Норвежского легиона принес клятву верности Гитлеру. Партия Квислинга предала свой народ, и в послевоенной Норвегии ее членов судили за измену родине. И вот полвека спустя недобитые фашисты снова приезжают в Красное Село. Один из бывших легионеров, ор-

новку камня, – Эйвинд Сакслунд. Он вступил в партию Квислинга еще до войны, а в 1940 году (сразу после нападения Германии на Норвегию) продлил свое членство. Сейчас он заявляет, что сделал это с целью «содействовать тому, чтобы страна получила национальное правительство, которое смогло бы защищать наши интересы от оккупантов». Однако то, что он записался в *Waffen SS* и принял участие в блокаде Ленинграда, противоречит его нынешним словам. В 1944 году Норвежский легион был распущен, часть легионеров стали охранниками в норвежских концентрационных лагерях, а многие, в том числе и Сакслунд, перешли в 23-й Норвежский батальон *СС* (*23. SS Panzergrenadierregiment "Norwegen"*), который возглавил генерал *СС* Феликс Штайнер. Этот полк участвовал в боях в Прибалтике, а также в финальной битве за столицу рейха – Берлин. После войны, отсидев положенный срок за измену, Сакслунд получил юридическое образование. Со временем он стал работать в норвежском Департаменте финансов, откуда и ушел на пенсию с поста директора. Он никогда не пытался скрывать свое членство в партии Квислинга, наоборот, использовал все возможности, чтобы реабилитировать и партию, и ее главу. Хотя, по словам Сакслунда, по ходу войны он разочаровался в национал-социализме, он

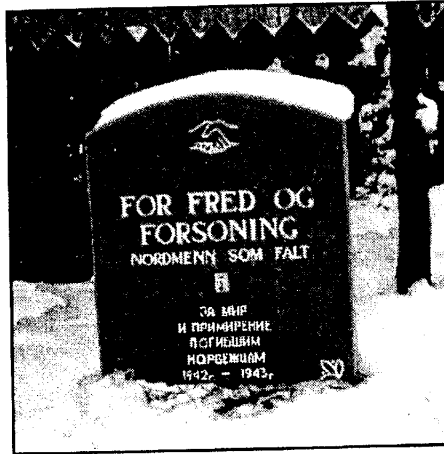
все еще думал, что *NS* сможет повлиять на оккупантов. Подобные заявления, искажающие историю, после войны были выгодны Сакслунду как видному общественному деятелю. Однако факты говорят о том, что Сакслунд не только не забыл прошлого, но и очень активен в настоящем. Его имя – в контактном списке информационной сети бывших эсэсовцев (*Kameradenwerk Kops Steiner*), среди подписчиков немецкого нацистского журнала *"Junge Freiheit"*. А главное – он один из руководителей организации «Помощь инвалидам войны», членами которой являются бывшие эсэсовцы, и, кроме того, активно работает в норвежской ревизионистской организации старых нацистов «Институт истории оккупации Норвегии» (*Institutt for Norsk Okkupasjonshistorie*, сокращенно *INO*).

Этот человек приехал в Россию не для примирения, не из раскаяния и не из-за христианской идеи всепрощения. Для таких людей, как он, это своего рода реванш.

Не так уж удивительно, что информация об открытии такого памятника, и не где-нибудь, а под городом, ставшим одним из символов преступлений нацизма, была нежелательна обеим сторонам. Отсутствие же прессы на церемонии объясняют теперь тем, что русские верующие могли не понять, как это можно ставить памятник неправославным солдатам на территории православного храма да еще и творить над ним православный обряд.

Объяснение это кажется не совсем убедительным: идея равенства перед смертью, примирения и прощения могла бы наверняка найти больше сторонников, чем молитва над памятником эсэсовцам, воевавшим под блокадным Ленинградом. Выглядит так, как будто в приходе не очень-то уверены в правильности сделанного и стараются не создавать большой шумихи вокруг сомнительного со всех точек зрения события. Однако глава администрации Красного Села В. В. Фролов был в курсе происходящего. Кроме того, установка мемориального камня была поддержана немецко-русской организацией «Примирение» (занимающейся поиском и захоронением останков немецких солдат, погибших в Ленинградской области) во главе с Юрием Лебедевым.

Согласно все тому же журналу «Народ и страна», норвежский историк Эгнунд Сакслунд. На вопрос, могут ли они

Синяя церковь

поставить этот памятник, он ответил: «Почему бы и нет». Возможны только два объяснения подобной сговорчивости: либо батюшка подетски наивен, что маловероятно, либо ему лично или его приходу очень хорошо заплатили. Затем началась подготовка церемонии. Нор-

вежцы приезжали сюда, с российской стороны в Осло для обсуждения деталей ездили представители церкви св. Александра Невского и уже упоминавшейся организации «Примирение».

И наконец, в августе старые нацисты приехали, чтобы почтить память своих погибших товарищей из Норвежского легиона, были встречены в Москве батюшкой и с почетом привезены на места «боевой славы».

Случай в Красном Селе не единственный. Нам известно, что похожий памятник осенью 1996 года был поставлен в Эстонии на линии Нарвского фронта. 15 июня 1998 года там же открыли аналогичный памятник датским эсэсовцам, а за

несколько дней до этого в городской ратуше Таллина был устроен торжественный обед в честь ветеранов СС. Вообще-то планировалось провести шествие, но планы поменяли, так как несколькими месяцами раньше подобное шествие в Риге вызвало общественный скандал (см. «Тум-балалайку» № 9).

Возможно, что действительно нельзя вечно ненавидеть мертвых врагов. Как бы ни был спорен этот тезис, он имеет право на существование в определенных ситуациях. Однако данный случай не вписывается ни в одну из них. Тут дело даже не столько в погибших под Ленинградом эсэсовцах, сколько в поразительной наглости выживших. Эти люди не отказались от своих порочных идей, они продолжают действовать и сегодня. Поэтому они – наши живые враги и прямые противники в борьбе здесь и сейчас.

Тот факт, что общественность Санкт-Петербурга ничего не знает об этом памятнике, просто шокирует. Мы постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы широко распространить эту информацию. Нельзя допускать, чтобы слабохарактерные попы мирились от нашего имени с недобитыми эсэсовцами.

В. П. Кирсанова

Большая благодарность норвежскому антифашистскому журналу "Monitor" за информацию. Желающие могут найти дополнительные сведения о норвежских нацистах в Интернете по следующему адресу:

www.hill.se/monitor/artikler/uktexts.htm

«Террорист»: преступник или жертва?

Выступая на слушаниях по делу Аугусто Пиночета в палате лордов 27 января нынешнего года, адвокат генерала Клер Монтгомери заявила, что некоторые из жертв чилийской диктатуры, возможно, были террористами. По ее мнению, пытки не могут считаться преступлениями против человечности, если их применяют против террористов, а значит, Пиночет невиновен. Две темы, поднятые нами в прошлом номере, неожиданно для нас соединились в одну.

Обвинениями тех или иных партий, движений, группировок в терроризме сегодня никого не удивишь. Угроза терроризма стала модной темой повсюду, от бульварной прессы до научных конференций. Этот термин превратился в мощное оружие: когда опасного политического противника, опирающегося на массовую народную поддержку, хотят стереть в порошок, его называют террористом. А террорист – это уже не человек, он настолько опасен для окружающих, что оказывается вне закона: его непременно нужно посадить в самую надежную тюрьму, можно не показывать его журналистам и не допускать к нему адвокатов, его можно пытать, а еще лучше просто пристрелить на улице, как бешеную собаку.

Югославский президент Милошевич называет терро-

ристами косовских албанцев – и оправдывает этим использование армии не только против вооруженных повстанцев, но и против мирного населения. Турецкое правительство обвиняет в терроризме Абдуллу Оджалана – и почти никого уже не заботит тот факт, что адвокатов к нему допустили только на седьмой день после ареста. Разъяренная толпа нападает на адвокатов, скандируя правые лозунги, а власти преподносят все это как свидетельство народного возмущения и, чтобы ни у кого не оставалось иллюзий, арестовывают одного из адвокатов, якобы вне связи с делом курдского лидера. В этих случаях, как и в деле Пиночета, обвинения в терроризме призваны оправдать избыточное, непропорциональное насилие, которое власти применяют к своим противникам, часто нарушая при этом права человека. Термин «терроризм» используется для защиты и легитимации существующего режима;

«Растущая численность полиции сдерживает преступность».

Рисунок с анархического сайта "Spunk"

Террорист

В ландо, запряженное парой,
Чугунную бомбу метнул...

Под липовой сенью бульвара
Карающий взрыв полыхнул.

Схватили, конечно, его.
Купец распинается в чайной:
«Студенты, они – тово!..
Студенты, они – отчаянные!»

1973

Шлет эфир позывные измены.
Содрогнулся от пушек дворец.
Рассыпаются хрупкие стены.
Это – точка. И это – конец.

Это – подлая чья-то победа.
Это – чей-то возвышенный крах.
На ступенях дворца Ла Монеда –
Президент с автоматом в руках...

Расстрелянный

Его долго пытали в тюрьме.
Светлячок ночевал на окне –
Это маленькая звезда
Забрела по ошибке сюда.

Собирая остатки сил,
Об одном он судьбу просил:
Чтоб не здесь – а там, во дворе,
Умереть довелось на заре...

Он забылся недолгим сном,
Смутно-тягостным. А потом –
Разбудили его, растолкали,
Во дворе поутру расстреляли.

Д.

во имя борьбы с «террористами» полиции не грех потребовать дополнительных бюджетных ассигнований, а правительству или президенту – расширения своих полномочий. Решение реальных социальных проблем – задача хлопотная и практически непосильная для современного государства, припертого к стене всевластием глобальных рынков. Гораздо проще, напугав самих себя до полусмерти сказками про злобных террористов, вести с ними непримиримую борьбу.

Если террористов не существует – их нужно придумать. Именно этим, кажется, занимаются сейчас российские власти, раскручивая кампанию по борьбе с экстремизмом. Задержим на полдня пару-тройку сопливых баркашовцев, упрячем за решетку нескольких анархистов –

глядишь, народ и поймет, что власть у нас хоть и проворовалась в пух и прах, но все еще стоит на страже. Потом можно будет и бастующих шахтеров в экстремисты записать, тем более что «Русский порядок» в их рядах распространяется весьма активно, а значит, при обысках будет обнаружена «экстремистская литература». Перед правоохранительными органами открывается самое широкое поле для деятельности, путь к очередным званиям, премиям и медалям.

Угроза терроризма/экстремизма действительно существует в России и других странах, но справиться с ней только репрессивными методами абсолютно невозможно. Косовские албанцы или турецкие курды имеют право на сопротивление угнетению, точно так же как

российские шахтеры имеют право требовать заработанные ими деньги. К сожалению, чувство безысходности иногда приводит участников подобных движений на путь террористической борьбы. Но, не снимая ответственности с террористов-одиночек, повинных в гибели мирных людей, необходимо говорить и об ответственности тех, кто обладает властью. Тех, кто посылает войска для «восстановления конституционного порядка», направляет чужие деньги на строительство личных особняков или пишет в газетах о чудовищной опасности терроризма. Время, силы и деньги нужно тратить на помощь тем, кому плохо, а не на охоту за ведьмами.

В. Игнатьев

ИЗ ИСТОРИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В знак протеста!

Вечером 27 февраля 1933 года был подожжен Рейхстаг, немецкий парламент. В здании обнаружили молодого голландского антифашиста, он был арестован и привлечен к суду. Его звали Маринус (Ринус) ван дер Люббе. Он заявил, что своим поступком пытался побудить немецкий народ к сопротивлению только что установившемуся национал-социалистическому режиму.

Однако никто не поверил, что Ринус действовал в одиночку. И национал-социалисты, и коммунисты стремились использовать это происшествие в собственных пропагандистских целях. Первые изображали ван дер Люббе агентом Коминтерна, последние старались доказать, что ван дер Люббе действовал как нацистский провокатор, поддерживаемый штурмовиками СА (*Sturm Abteilung*). Споры по этому поводу среди немецких историков продолжаются до сегодняшнего дня, без особого внимания к личности самого Ринуса ван дер Люббе. В Голландии, в особенности в Лейдене, университетском городе, где Ринус провел большую часть своей жизни, растет интерес к Ринусу и восхищение им. Небольшая, но весьма энергичная группа друзей Ринуса успешно борется за его политическую и личную реабилитацию. Им в огромной степени помогает то, что его жизнь подробно отражена в разного рода дошедших до нас документах, особенно в многочисленных письмах Ринуса и его дневнике.

Ринус ван дер Люббе родился в 1909 году в Лейдене. Через шесть лет его родители развелись, а в 1921 году умерла его мать. Восемнадцати лет Ринус покинул дом своей тетушки, взявшей на себя заботу о нем, и стал жить самостоятельно. Работая каменщиком, он стал коммунистом. Повредив себе глаза в результате нескольких несчастных случаев, он посвящает все свое время революционной деятельности и из энтузиаста-активиста молодежной коммунистической партии превращается в революционно настроенного коммуниста-индивидуалиста – эта идеология привлекала его как убежденного синдикалиста и интернационалиста.

Ринус организовывал демонстрации и забастовки не только в Лейдене, но и по всей

Голландии, совершая длительные путешествия пешком и автостопом через всю Европу. Со временем он выработал свой собственный взгляд на жизнь и на возможности переустройства мира. Все более и более целенаправленно он стремился помогать людям, которых любил и которым верил, – бедным рабочим и их семьям. Сам Ринус вел жизнь скромного бедняка, не стремясь к материальному благополучию. Ринусу было нужно другое.

В Лейдене он получил известность как организатор беспорядков, агитировавший рабочих прямо у ворот фабрики, устраивавший марши и столкновения с полицией, посланной на их разгон. Он требовал денег от местного фонда поддержки безработных на создание библиотеки для рабочих, а получив откровенный отказ, разбил стекла в окнах фонда. Однако Ринус ван дер Люббе добился того, чего хотел: он объединил десятки молодых людей и стал играть важную роль в борьбе за освобождение рабочих в Лейдене и других частях страны.

Постепенно он превратился из пологого и наивного члена молодежной коммунистической партии в радикального индивидуалиста, противостоящего всем организациям, которые претендовали на руководство рабочим классом. Ринус объездил всю Голландию, участвуя в забастовках, занимаясь политической пропагандой и укрепляя связи между различными критически настроенными коммунистами и анархистами. Повсюду он действовал, строил планы и организовывал людей.

30 января, в день, когда Адольф Гитлер пришел к власти в Германии, Ринус был в Роттердаме, на собрании, посвященном организации помощи морякам голландского крейсера, которые, протестуя против плохих условий жизни на борту, подняли мятеж. Покидая Роттердам, Ринус сказал своим друзьям, что поедет в Берлин, «чтобы кое-что сделать».

В Берлине Ринус обнаружил, что никто не готов к действию: ни коммунисты или социалисты, ни простые рабочие, ни политические лидеры. Большинство людей отвечали, что ждут, пока политические партии или профсоюзы выступят с инициативой. Собрать людей на демонстрацию против жалкого положения рабочих не удалось, Ринус решил действовать самостоятельно.

Ринус ван дер Люббе.
Полицейская фотография 1933 г.

Купив горючие материалы, он решил в знак протеста поджечь какое-либо государственное здание. В ночь на 25 февраля он пытается поджечь местное бюро по трудоустройству, здание берлинской ратуши и берлинский замок. Все эти попытки провалились: огонь был быстро замечен и потушен. Тогда Ринус покинул Берлин и отправился домой. Вечером того же дня он достиг пригорода Берлина Хеннингсдорфа и провел ночь в местном полицейском участке вместе с другим безработным пролетарием. На следующее утро он решает вернуться в Берлин, где направляется прямо в здание немецкого парламента, Рейхстаг.

Ринус проник внутрь и поджег здание в нескольких местах; охрана, полиция и бригада пожарников прибыли слишком поздно. Полицейские сумели поймать его в горящем здании. На вопрос одного из полицейских: «Зачем ты это сделал?» — он ответил: «В знак протеста!». Гитлер, Геринг, Геббельс и другие нацистские лидеры, узнав о происшедшем, срочно прибыли к месту событий. Уже там они выяснили, что последними, кто покинул Рейхстаг, были члены Коммунистической партии и что голландский коммунист был арестован в здании. В порыве гнева и страха они выступили с предложением ликвидировать Коммунистическую партию Германии (КПГ), которую сочли организатором поджога.

Для нового национал-социалистического правительства пожар в Рейхстаге был превосходным предлогом, чтобы склонить президента фон Гиндербурга к введению чрезвычайного положения, которое позволяло нацистам законным путем покончить с Веймарской демократией и, главное, с коммунистами. Планы подавления КПГ и необходимые для этого пропагандистские ходы были подготовлены еще задолго до того, как национал-социалисты пришли к власти. 28 февраля, на следующий день после поджога Рейхстага, тысячи коммунистов были арестованы и помещены в концентрационные лагеря.

Тем временем начался грандиозный показательный судебный процесс против Ринуса, Торглера (члена коммунистической фракции парламента) и трех болгар — членов болгарского отделения Коминтерна, из которых наиболее известен Димитров. Целью нацистских обвинителей, возглавляемых Герингом, было доказать существование коммунистического заговора за спиной действовавшего в одиночку Ринуса. В отличие от Димитрова, который решил играть предложенную ему роль как можно лучше и настаивал на своей невиновности, Ринус занял самостоятельную позицию: он не собирался отказываться от своего поступка и скрывать свои мотивы. Поэтому он изо всех сил опровергал лживые домыслы нацистских обвинителей, пытавшихся доказать свою теорию заговора. Он всячески демонстрировал свое отвращение и неуважение к суду: принимал странные позы, превращал в комедию свои разговоры с судьями, обвинителями и Димитровым. Последний, уверенный в том, что имеет дело с нацистским провокатором, со всей энергией нападал на Ринуса, а тот, напротив, делал все что мог, чтобы невиновность Димитрова и остальных стала очевидной. В тюрьме, желая, чтобы суд закончился, он предпринял неудачную попытку голодовки. 23 декабря 1933 года был оглашен приговор суда: четверо обвиняемых были оправданы, а Ринус был приговорен к смертной казни и 10 января 1934 года умер на гильотине в Лейпциге.

Споры о поступке Ринуса и его личности начались уже в 1933 году. Тогда же немецкие члены Коминтерна опубликовали так называемую «Braunbuch» («Коричневую книгу»), где Ринус изображался гомосексуалистом и извращенцем, которого оставили в Рейхстаге уже после того, как штурмовики из СА подожгли здание. Позднее немецкие коммунисты даже

организовали свой собственный показательный суд в Лондоне, где в качестве свидетеля выступал некий немецкий коммунист, изображавший члена СА. Вплоть до сего дня коммунисты пытаются доказать свою теорию нацистского заговора, хотя в 1959 году немецкий исследователь Фриц Тобиас опубликовал работу, в которой досконально обоснована истинность показаний Ринуса.

В Голландии видные политические деятели самого широкого спектра начинают изображать Ринуса как заслуживающего уважения гражданина своей страны и даже как героя истории XX столетия, хотя в 1933 году ни голландская пресса, ни правительство не сделали ничего, чтобы поддержать Ринуса. Небольшая группа друзей, родственников и независимых коммунистических активистов, которые организовали Международный комитет имени ван дер Люббе и опубликовали так называемую «Roodboek» («Красную книгу»), долгое время оставалась в одиночестве. В 1980 году маленькая улица в Лейдене была названа в честь Ринуса, а в прошлом году мэр Лейдена начал кампанию за присвоение Ринусу титула «почетного гражданина города Лейдена».

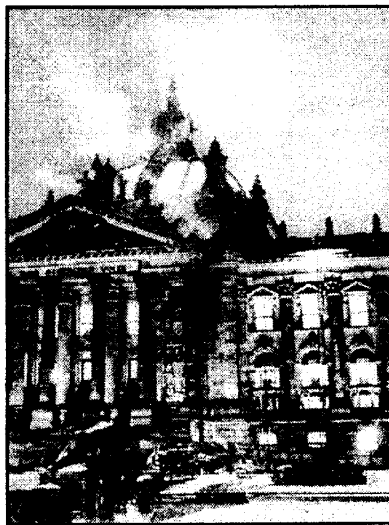
Если рассмотреть факты, то становится видно, что Ринус не достиг своей цели — спровоцировать бунт или хотя бы акцию протеста против нацистского правительства. Однако он дал миру сигнал, который до сегодняшнего дня не утратил своего значения. Десять месяцев, проведенные в тюрьме и на бесконечных судебных заседаниях, не сломили его. Несомненно, именно антифашистские убеждения Ринуса придали ему несгибаемую стойкость, которая и сейчас производит огромное впечатление.

Интересно рассмотреть вопрос об ответственности. Я считаю, что Ринус полностью несет ответственность не только за свою попытку сжечь Рейхстаг, но и за ее последствия. Он был уверен, что поджог не повредит другим людям и что это событие будет иметь чисто символический характер. Однако его действия позволили нацистам покончить со своими политическими противниками. К тому моменту ни коммунисты, ни социалисты не сопротивлялись приходу к власти Гитлера и его сподвижников. Иногда КПГ даже шла на сотрудничество с НСДАП. Оглядываясь назад, видишь, что действия немецких коммунистов были позорными и отвратительными, включая то, как они пытались использовать Ринуса в качестве козла отпущения, пытались скрыть свое собственное банкротство.

История Ринуса ван дер Люббе и его образ действий неотделимы от истории антифашизма. Каждому антифашисту угрожает непонимание, его действия могут быть использованы в качестве предлога для манипуляций, его могут ждать позор и презрение со стороны судов, прессы и «народа». Эта история — одновременно и предупреждение, и пример. Ринус ван дер Люббе в борьбе с фашизмом потерял жизнь, но не был сломлен.

Ринус на суде

Горящий рейхстаг

Tractatus "On Laibach"

Фашизм эстетизирует политику. Коммунизм отвечает на это политизацией искусства.

В. Беньямин

Прежде всего хотелось бы отметить, что, слушая не первый год музыку *Laibach* (и восхищаясь ей), трудно писать непредубежденно. Но – писать все-таки приходится. Слишком уж много глупостей было высказано как по поводу творчества *Laibach* вообще, так и по поводу их концерта в Киеве в частности. Причем глупости высказывались как с одной, так и с другой стороны.

Итак, ниже я попробую изложить, в максимально сжатом виде, кое-что *максимально субъективное* «по поводу» творчества этой группы. Значение используемых терминов, я надеюсь, общеизвестно или понятно из контекста. Если кто-то прочитает и, тем более, возразит – буду благодарен.

0. Примем следующие положения за исходные (0–2.8):

1. *Laibach* является одним из самых ярких явлений независимой музыкальной сцены восьмидесятых – девяностых.

1.1. Это группа выдающаяся. Можно сказать, иногда даже близкой к тому неизвестному, что называют «гениальностью».

1.2. В контексте данного изложения это положение является аксиомой и не обсуждается.

2. Стил, в котором работает *Laibach* (как и *NSK* вообще), является стилем тоталитарным. Это – утверждение иного уровня, поэтому, хотя (здесь) оно играет роль аксиомы, оно должно быть, хотя бы частично, объяснено (но не окончательно доказано).

2.1. Речь идет не об используемой символике (чаще всего закликиваются именно на ней, уже этим отрезая себе пути к дальнейшему анализу и попадая в ловушку бесконечных и бессмысленных споров).

2.2. Ставить вопрос о символике отдельно – бессмысленно. Важно даже не то, с чем ассоциируется символика или каково ее происхождение. Важно, какое место она занимает в системе деятельности группы, и, вследствие этого, что выражает. Существование и рассмотрение символики отдельно от всего остального – бессмыслица.

2.3. В деятельности *NSK* и *Laibach* политический аспект всегда равнозначен эстетическому и, более узко, музыкальному. Это заложено самими участниками *NSK* в самоопределении (см. эпиграф).

2.4. *Laibach*, оперируя политическими категориями, использует в основном те из них, которые преимущественно используются именно тоталитаризмом (как в политической мифологии, так и на практике). Соответствия им существуют и в искусстве *NSK*, и в музыке *Laibach*. Тут наличествует превалирующий смысловой ряд: «государство», «гражданство», «нация», «война», «единство», «сила», «Старший Брат» (коллективный символ-олицетворение), «техника», «коллективизм» и т. д.

2.5. «Нас привлекает феномен песни, которая при определенных обстоятельствах превращается в наркотик для масс» (из интервью *Laibach*).

2.6. Все «подсистемы» деятельности *NSK* и *Laibach*: политическая, художественная, музыкальная, – являются взаимосвязанными, непротиворечивыми и взаимообуславливающими, составляя целое.

2.7. Причем речь идет скорее о воплощении средствами эстетики определенного политического проекта, чем наоборот.

2.8. Остановимся на этом.

3. Вопрос встает перед нами таким образом: является ли *Laibach* тоталитарной, или даже фашистской, группой? То есть

NSK – объединение, основанное в 1984 году как организация, работающая в Пространстве между идеологией и искусством.

Laibach and NSK Merchandise

является ли комплекс понятий и представлений, соотносимый с *Laibach* как явлением, *внутренне* родственным тоталитаризму и фашизму как явлениям? Это – вопрос про (явную или неявную) политическую ангажированность, относящуюся к вполне определенному направлению. Он достаточно важен.

3.1. Важен для заинтересованных, конечно. Ведь если ответ на этот вопрос утвердительный, то восприятие и отношение к фашизму или тоталитаризму должно, в той или иной форме (хотя бы в форме осознания), переноситься на *Laibach*. С другой стороны, тогда *Laibach* разделяет ответственность за конкретную практику, осуществляемую в рамках таких явлений.

3.2. Если ответ отрицательный – вопрос снимается. Можно и дальше увлекаться оригинальными идеями и слушать классную музыку.

4. Самый простой вариант рассмотрения – при принятии утверждения о том, что внешние атрибуты и идейная основа находятся в отношениях прямой зависимости.

4.1. В этом случае символика, дизайн, основные понятия, заинтересованность манипуляцией, соответствующее построение художественной деятельности – прямое выражение тоталитарности *Laibach*.

4.2. Если кому-то (и прежде всего самому *Laibach*) подобное утверждение покажется слишком простым и потому неверным решением – попробуем проанализировать глубже.

5. Тезис Вальтера Беньямина (см. эпиграф) может показаться сомнительным. Однако можно попробовать провести анализ в соответствии с указанными в нем критериями.

5.1. *Laibach* почти категорически отказывается от политизации (в той или иной форме) искусства. Под политизацией в данном случае имеется в виду осуществление (в любой форме) конкретной политической оценочной трансформации своей музыки или внемузыкальной деятельности.

5.2. Искусство здесь является не первично, а вторично, и осуществляется скорее обратное – эстетическая трансформация политических понятий. «Политика» сама становится эстетической категорией.

5.3. *NSK* определяется как утопическое государство. Однако основной здесь является не первая часть – утопия – как неприятие, или проект, или порыв, а именно вторая – государство. «Наша цель состояла в том, чтобы принципиально продемонстрировать, что государство не должно функционировать на принципах, принятых в мире, нас окружающем» (из интервью *Laibach*).

5.4. Итак, по критериям тезиса Беньямина, *Laibach* может быть так же стопроцентно отнесен к фашизму, как (в этом контексте) УНА-УНСО начала девяностых.

6. Рассмотрим противоположные утверждения. «Нацистский салют в наши дни является абсолютно пустым. Он больше ничего не имеет общего с реальностью. ...На наш концерт пришло несколько неонацистов. После концерта они были разочарованы, поскольку не смогли найти для себя места в том, что мы делаем» (из интервью *Laibach*).

6.1. Следует отметить, что *Laibach* никогда не обвиняли в нацизме, во всяком случае со всеми присущими ему чертами – расизмом, ксенофобией и т. д. Но нацизм – более узкое понятие, чем фашизм, и намного более узкое, чем тоталитаризм.

6.2. То, что неонацисты часто не могут найти «свое» в творчестве *Laibach*, не странно. Для первых характерны чаще всего как раз ксенофобия и расизм. Музыка большинства из них (как, например, наци-скинхэдовский «oi») несет в

себе конкретизированное насилие и психологию субкультурного гетто.

6.3. Творчество *Laibach* прямо противоположно. Оно, скорее, полностью приспособлено к деиндивидуализированному огромному механизму уже существующего тоталитарного государства, где все процессы, в том числе и проходящие с применением насилия, глобальны и безличны.

6.4. Творчество *Laibach* – это не музыка уличных банд, а как минимум часть официальной государственной политики в области искусства (как это и есть, например, в *NSK*). Здесь *NSK* частично находит свое объяснение.

7. Одна из самых популярных тактик объяснения действий и явлений, подобных *Laibach*, – толкование их через понятие «эксперимента» и «игры», иногда – «бизнеса» и «экономической выгоды».

7.1. Рассмотрим толкование творчества *Laibach* через «игру».

7.1.1. Действия и концепции *Laibach* укладываются только в ту концепцию игры, центральным понятием которой является провокация.

7.1.2. Провокация всегда имеет целью последствия, а точнее – реакцию. Если *Laibach* действует в рамках игры, то его деятельность провокациона.

7.1.3. Если так, то *Laibach* отвечает за последствия своей деятельности. В данном случае (здесь и далее) тоталитарные истолкования творчества группы являются (частично) такими последствиями.

7.1.4. Однако тезис об «игре» отвергают сами участники *Laibach*, заявляя, что их не интересует «тоталитарное» или «фашистское» толкование их творчества. При этом вряд ли возможно определить, насколько они искренни.

7.2. Если творчество *Laibach* – не чистая эстетская игра, а бизнес, то это точно так же возлагает ответственность за последствия на саму группу. Это утверждение здесь не обсуждается.

7.2.1. Тем более что у нас нет в данном случае никакой возможности отделить «бизнес» от «игры» и «эксперимента». Размещение своей символики на обычных, бытовых предметах – это бизнес или подражание практике геббельсовской пропаганды? Наверное, только *одного* из этих двух ответов будет недостаточно.

7.2.2. Итак, не имея возможности для разграничения здесь этих трех понятий, остановимся на 7.2.

7.3. Возможно, *Laibach* осуществляет свою деятельность в соответствии со стратегией эксперимента.

7.3.1. Здесь это значит, что группа (и *NSK* вообще) отстраненно и безэмоционально, из своеобразного «исследовательского» интереса, соединяет и доводит до совершенства саму модель современного тоталитарного стиля.

7.3.2. Это объяснение достаточно популярно.

7.3.3. В таком случае *Laibach* несет ответственность за последствия своей деятельности, как любой экспериментатор – за последствия своего эксперимента.

7.3.4. Подобный эксперимент предусматривает возможность различия между позицией экспериментатора самой по себе и позицией, которую он принимает для себя в ходе эксперимента. Нас здесь интересует именно такое различие.

7.3.5. Однако у нас нет никаких свидетельств о подобном различии (кроме – иногда – ироничных и расплывчатых отворок членов группы на пресс-конференциях). Скорее наоборот: члены группы *Laibach* отождествляются с самой группой, группа – с *NSK* и всеми его принципами.

7.4. В любом случае возможно, что убеждения членов *Laibach* и *NSK* отличаются от тех форм, в которых существует их творчество (через стратегии «игры», «эксперимента» или «бизнеса»).

7.4.1. Но в таком случае эти убеждения становятся «вещью в себе», у которой нет проявлений, последствий и которая не поддается анализу.

7.4.2. Поскольку такая возможность, соответственно, не может стать предметом анализа, придется ее игнорировать.

8. Еще один из существующих аргументов против положительного ответа на вопрос, поставленный в начале, – следующий: «Мы никогда не были одномерной группой» (из интервью *Laibach*).

8.1. Это значит, что любое однозначное определение или трактовка творчества группы, так же как и сама постановка вопроса, подобного основному вопросу нашего рассмотрения, являются одномерными и пытаются вогнать творчество группы в рамки, в которые оно принципиально не вписывается. Такая ситуация (теоретически) возможна.

8.1.1. Но это утверждение *Laibach* никак не обосновывается. Подобная позиция сразу исключает возможность критиче-

ского анализа, как и вообще любой критики, сводя их к одномерному мышлению и таким образом – унижая их. Любые вопросы решаются еще до их постановки.

8.1.2. Я позволю себе трактовать такую теоретическую практику как террористическую и тоталитарную.

8.2. С другой стороны, постановка вопроса, данная в такой позиции, делит тех, кто как-либо оценивает *Laibach*, на людей с «одномерным» и «многомерным» мышлением.

8.2.1. Подобное разделение, которое проводится исключительно в соответствии с критерием «отношение к деятельности группы», я трактую так же, как и предыдущее следствие.

8.3. Итак, вышеприведенный аргумент не снимает вопроса и даже не является нейтральным, а, скорее, вынуждает дать положительный ответ на основной вопрос рассмотрения.

9. Предварительное рассмотрение было откровенно неполным. Однако то, что уже

сказано, позволяет утверждать следующее. На первую часть вопроса: «Является ли комплекс понятий и представлений, соотносимый с *Laibach* как явлением, *внутренне* родственным тоталитаризму и фашизму как явлениям?» – я вынужден ответить: «Да».

9.1. *Laibach* тоталитарен не (только) на уровне символики, но на гораздо более глубоком уровне. Так в контексте данного рассмотрения решается вопрос о политической ангажированности.

9.2. Этим также решается вопрос об отношении к такому явлению, как «деятельность группы *Laibach*», в политическом аспекте – оно тождественно отношению к тоталитаризму и его проявлениям.

10. Надо признать, что вопрос о том, является ли *Laibach* тоталитарной группой по убеждениям, остается открытым. Приведенных аргументов в пользу положительного ответа на этот вопрос явно недостаточно.

10.1. Но рассмотрение показывает, что вопрос об ответственности не решается внутренними убеждениями.

10.2. Если *Laibach*, создавая эстетическое обоснование тоталитаризма, не принимает на себя подобную ответственность, это свидетельствует в лучшем случае об интеллектуальной нечестности группы.

10.3. Концерт *Laibach* в Киеве был первым мероприятием подобного уровня, на котором кое-кто встречал группу жестами «хайль».

10.4. Несет ли ответственность за это сам *Laibach*? Мой ответ – да.

10.5. *Laibach* несет за это полную ответственность.

Плакат группы *Laibach*. 1983 г.

Эта статья о последнем фильме Лукино Висконти – статья достаточно спорная и именно поэтому интересная – открывает новую рубрику, которая, как мы надеемся, станет постоянной. Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938), создатель романа «Невинный», по которому снят одноименный фильм, был активным участником фашистского движения. Сам по себе этот факт, разумеется, не отрицает необходимости осмысления и переосмысления его творчества, к которому призывает наш автор. Однако вопрос об ответственности главного героя, о той грани, за которой «стремление человека к свободе» превращается в преступное пренебрежение свободой и жизнью других людей, на наш взгляд, остается открытым. Мы будем рады, если кто-то из наших читателей захочет принять участие в обсуждении публикуемого материала.

«Невинный»

Проблема абортов превратится в сексуально-политическую проблему только тогда когда будет ясно и однозначно понято, что люди нарушают этот закон потому что они вступают в половые сношения, даже если не хотят иметь детей
Вильгельм Райх «Массовая психология фашизма»

Фильм «Невинный» (1976 год) начинается «знаковым» кадром. На алом бархате лежит экземпляр одного из первых изданий романа Габриэле д'Аннунцио. Рука человека листает страницы книги. Листает медленно и как-то меланхолически-отрешенно. Понятно, что роман прочитан не раз, давно понят и давно переосмыслен, если не вовсе отвергнут...

Листающая страницы рука – это рука старого человека. Кожа покрыта пигментными пятнами и имеет желтоватый оттенок. В то же время кисть руки сохранила всю свою прежнюю красоту: длинные, идеальной формы ногти, тонкие изящные пальцы... Эта рука принадлежит мэтру кинематографического аристократизма великому Лукино Висконти.

В своем последнем фильме режиссер недвусмысленно осуждает главного героя, графа Туллио Эрмиля, который убивает ребенка своей жены Джулианны, рожденного от ее связи с писателем Филиппо д'Арборио.

Если отбросить все второстепенные подробности и выявить логическое зерно конфликта, то станет ясно, что основной драматический момент заключен в желании Джулианны сохранить ребенка и в нежелании Туллио, чтобы этот ребенок существовал. В одной из сцен фильма Туллио предлагает своей жене избавиться от еще не родившегося младенца с помощью известного хирургического вмешательства. Джулианна не соглашается.

Советские кинокритики все как один видели основной смысл последнего шедевра Висконти в развенчании личности, психологии и философии «сверхчеловека», действующего наперекор законам природы и морали. И рука самого мэтра, перелистывающая (то есть переосмысливающая) старый декадентский роман, была для них как перст указующий.

И разумеется, всячески восхвалялась антитеза Туллио – Джулианна. Вот что писала об этой героине Нея Зоркая («Спутник кинофестиваля», 1976, № 8): «Беспощадному анализу эгоистической любовной страсти противопоставлена с новым для Висконти лиризмом мелодия любви-самоотвержения, кроткой, замкнутой и молчаливой, любви-преданности, олицетворенной в прекрасной молодой женщине, трагической возлюбленной и несчастной матери, потерявшей свое дитя».

А вот что писал об экранной Джулианне почти в то же самое время итальянский кинокритик Туллио Кезич («Ла Република», 1976 год): «Двойственности своего литературного прообраза лишена и Джулианна, которая рискует показаться лишь слабой женщиной, по сознанию своему до невероятности принадлежащей девятнадцатому веку».

Так кто же прав: Туллио Эрмиль, выступающий за аборт, или Джулианна – противница аборта?..

Сейчас вся Москва залеплена отлично выполненными (в сугубо полиграфическом смысле) листовками-наклейками с текстом «Аборт – это убийство» и соответствующим рисунком: их можно встретить и в вагонах метро, и на остановках наземного транспорта, и на витринах магазинов. Казалось бы, перед нами претворение в жизнь тех идей, которые развил в своем филь-

ме великий итальянский кинорежиссер... Но если бы Висконти каким-то фантастическим образом узнал о том, *какие* люди занимаются расклейкой этих мини-плакатов и сколь реакционные силы в России выступают за запрещение абортов, он был бы наверно, просто ошеломлен. И уж по крайней мере этот человек арестованный в свое время гестапо и спасшийся от расстрела лишь благодаря случайности, был бы крайне удивлен тем, что его надежды, высказанные на экране более двадцати лет назад, теперь с непомерным фанатизмом пытаются воплощать в жизнь люди, которых иначе как фашистами не назовешь.

При всем своем эгоцентризме и «хищном гедонизме» Туллио Эрмиль – человек страдающий. Он тоже способен переживать сильнейшие чувства – как и все люди. Он хочет любить Джулианну ради самой любви, а не ради обязанности продолжать род, которая является неотъемлемой частью морали авторитарного общества и закреплена в качестве идеологической установки в патриархальном сознании (см. об этом в книге В. Райха «Массовая психология фашизма»). И не вина Туллио, что ему приходится прокладывать путь к индивидуальной свободе преступными средствами: он открывает окно и оставляет младенца на зимнем холоде, чтобы тот замерз и умер. Это проблема любого общества, где властвуют строгие моральные запреты.

К тому же Туллио абсолютно одинок – но не в силу негативных черт собственного характера, а в силу того, что в стремлении к свободе он значительно опередил свое время: атеист и практик свободной любви оказался один на один со всей громадой консервативного социума. Кстати, само существование такого человека, как Туллио Эрмиль, наглядно свидетельствует о том, что патриархально-религиозная система общественного устройства неуклонно движется к своему закату.

Самый главный козырь строгих моралистов, их основной довод в пользу того, что Туллио Эрмиль человек плохой и порочный, – это его одиночество и самоубийство в конце фильма.

Но не лишним будет задать и такой вопрос: а кто, собственно, окружает Туллио? И может ли он с кем-либо из этих людей ощущать себя не одиноким?..

Брат Туллио, молодой офицер Федерико Эрмиль, будучи сам хотя и не слишком ревностным, но все же католиком, как будто уважает атеистические убеждения своего брата. Но уважение это не выходит за рамки сугубой, как мы бы сегодня сказали, политкорректности. Настоящего взаимопонимания между двумя сыновьями одной матери нет.

Кажется, по-настоящему внутренне близка Туллио его любовница графиня Тереза Раффо – светская львица, которая тоже исповедует свободу в любовных отношениях. Но на поверку оказывается, что внешняя свобода, выражающаяся экстравагантно-раскованным поведением, представляет собой всего лишь красивый антураж, за которым прячется все то же непреодоленное богобоязненное сознание, сформированное патриархальной эпохой. Во время их последнего свидания, незадолго до самоубийства героя, Туллио, порвавши

всякие отношения с женой (насколько это было возможно в тогдашней католической Италии), предлагает Терезе жить теперь вместе и свободно. Тереза отвечает, что не хочет больше продолжать их связь, так как она опасается за участь своей души на небесах... Иными словами, эта «свободная» женщина свободна лишь внешне и то только до тех пределов, которые искусственно созданы в ее психике авторитарной морали религии. Внешняя показная свобода Терезы Таффо не идет ни в какое сравнение с внутренней, мучительно, но необходимо достигнутой свободой Туллио.

Что же касается Джулианны – женщины, наиболее близкой Туллио физически, – то прав, конечно, уже упоминавшийся итальянский кинокритик: эта женщина действительно «по сознанию своему до невероятности принадлежит девятнадцатому веку», то есть веку, в который все еще господствовала авторитарно-патриархальная мораль. Неужели с такой женщиной свободолюбивый и атеистически настроенный муж может быть счастливым? Видимо, Туллио Эрмиль поспешил и женился до того, как его взгляды окончательно сформировались. А может быть, такому человеку, как Туллио, и вовсе не следует связывать себя узами брака. Ведь для него устойчивое выражение «связать себя» приобретает в данном случае едва ли не буквальный смысл.

Таким образом, все, что происходит с Туллио Эрмилем, его беда, а вовсе не его вина. И даже беда эта навязана свободно-му в принципе человеку обществом, которое не мыслит себя без зачастую абсолютно idiotских «моральных» запретов.

А теперь о главном – о преступлении.

Сейчас мы нередко видим телевизионные репортажи о совсем еще молодых девушках, выбросивших в мусоропровод своих новорожденных младенцев. Это страшно и дико. Но очень часто причина таких поступков – вовсе не голод или материальная неустроенность: нередко эти девушки происходят из вполне обеспеченных семей. Причина, по которой они не решаются на аборт, в подавляющем большинстве случаев заключается в том, что они боятся: в душном мире всей той же патриархальной семьи они боятся репрессий со стороны родителей, боятся осуждения со стороны друзей, боятся косых взглядов соседей и едва знакомых людей. Боятся морального осуждения, боятся безжалостности общества. Но общество – это люди. И к сожалению, в современной России огромные массы людей думают одинаково – в полном соответствии с морально-идеологической установкой, которую без конца тиражирует на манер стандартного ширпотреба система авторитарно-религиозно-патриархального воспитания.

Эти массы радеют о сохранении жизни еще не родившегося ребенка, который еще неизвестно кем станет в этом мире, и одновременно показательно безразличны и неприязненно-агрессивны по отношению к уже живущему человеку, который страдает от подобного морального линчевания.

Реакционная патриархальность всегда была очень сильна в нашей стране. На Западе любят Достоевского. Но живя здесь, в России, и будучи в здравом уме, нельзя не признать, что даже этот всемирно почитаемый гений пера, если перефразировать горькие и надрывно ироничные слова Владимира Лютова в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина», из нормально-человека сумасшедшего и убийцу сделал. В своей хрестоматийной книге Достоевский обвинил во всем зле, какое только возможно, одинокого и мучающегося индивидуума, защитив тем самым морально-политические устои репрессивного государства. И понадобился мудрый и светлый гений Льва Толстого, чтобы снова поставить все с головы на ноги: в своих поздних рассказах («После бала», «Ходынка», «За что?») писатель предельно наглядно и изумительно просто (в противовес экспрессионистскому мистицизму «Преступления и наказания») показал и объяснил, что виноват не человек, а преступное, насилующее его физически и морально государство.

Вот и Туллио Эрмиля следовало бы рассматривать именно с этих подлинно гуманистических позиций («Я думаю и

люблю всех», – писал в свое время д'Аннунцио). В чем виноват Туллио? В том, что не желает ребенка, рожденного его женой от другого мужчины?.. В том, что, стремясь предотвратить худшее, пытается уговорить Джулианну сделать аборт, а та не соглашается?..

Туллио Эрмиль был ввергнут другими людьми – совершенно посторонним ему Филиппо д'Арборио и духовно чуждой ему Джулианной – в ситуацию абсолютно для него непереносимую – в ситуацию несвободы и навязываемого ложного долга. И нет ничего преступного в том, что Туллио всеми средствами противостоит такому закабалению. Причем изначально эти средства гуманны: они предполагают избавление от еще не родившегося существа, а это, согласитесь, вряд ли можно считать убийством. И только скрытно-вероломное поведение Джулианны, которая хочет любыми же средствами ребенка сохранить, вынуждает в конце концов Туллио совершить реальное убийство.

В реальном же гуманизме этого «чудовища» (так аттестует своего любовника графиня Тереза Раффо) можно не сомневаться: перед родами Туллио просит врача в случае кризисной ситуации предпочесть жизнь матери жизни ребенка. На заботу о любимой женщине вряд ли способен тот холодный эгоист, каким изображала Туллио советская кинокритика.

В образах Туллио Эрмиля и Джулианны персонализированы два противоположных мировоззрения: новое и старое, свободное и детерминированное реакционными, отживающими установками. Их конфликт неизбежен и, к сожалению, трагичен. Желаемого не получает ни одна из сторон.

И все же Туллио и Джулиана выступают в этой схватке не на равных: Туллио одинок, а за Джулианной, за этой слабой женщиной, стоит весь огромный комплекс религиозных идей и консервативного общественного устройства. Выигрывает эту схватку в конце концов Джулианна: Туллио стреляет из пистолета себе в сердце.

И опять-таки с сожалением приходится признать, что последний шедевр Лукино Висконти оказался идеологически наиболее консервативным из его фильмов (и это при всем художественном великолепии декадентски-утонченной роскоши материальной среды). Причин могло быть много: и естественный в данном случае дидактизм, продиктованный преклонным возрастом режиссера, и новые, зачастую шокирующие формы жизни и поведения молодежи после 1968 года (удивление перед коими и одновременно попытку их понять Висконти выразил в своем предыдущем фильме «Семейный портрет в интерьере», 1974 год), увиденные теперь в ракурсе исторической метафоры-аналогии или даже в ракурсе ретроспективного генезиса. Можно говорить и о философской идее бога, которая всегда шла у потомка миланских герцогов рядом, если не «рука об руку» с прогрессивными левыми убеждениями, а в последние годы жизни мэтра, насколько можно судить по его интервью тех лет, смогла развиться в то направление мысли, которое условно принято называть «богостроительством».

Я говорю – с сожалением, потому что создатель «Гибели богов» (1969) – один из моих любимейших кинорежиссеров. И еще потому, что, как уже было отмечено, идеи последнего фильма художника-антифашиста парадоксальным образом совпали с теми идеями, которые активно пропагандируются сегодняшними яркими реакционерами.

С фильмом «Невинный» нужно, видимо, поступить следующим образом: «пролистать» его от начала до конца или, наоборот, от конца к началу (как поступал Фридрих Ницше с книгами Достоевского), оценить этот фильм самому, не оглядываясь на авторитеты (которые нередко авторитарны), чтобы вернуться к первоисточнику – роману Габриэле д'Аннунцио «Невинный». И оценить по достоинству этот подзабытый сегодня роман о стремлении человека к свободе.

Книжкино ревью

Алексеев В. М. Варшавского гетто больше не существует. Москва: Звенья, 1998

Книга ленинградского историка Валентина Михайловича Алексеева (1924–1994), посвященная истории варшавского гетто и восстанию его обитателей против гитлеровцев весной 1943 г., была написана во второй половине 1960-х гг. Она должна была появиться в издательстве «Наука», но после арабо-израильской войны 1967 г. и сворачивания хрущевской «оттепели» книга на «неудобную» тему истории Холокоста так и не увидела своего читателя. Однако даже тридцать лет спустя это повествование о трагедии варшавского гетто читается без всякой скидки на время написания: горячее сочувствие жертвам и трезвость, объективность ученого – категории, не подверженные временной переоценке. Не впадая в патетику или сентиментальность, автор рисует картину жизни и гибели созданного нацистами в течение 1940 г. в центре Европы полугорода-полупуторьмы с населением в 500 тысяч человек. Книга Алексеева начинается с описания странного быта этих обнесенных стеной варшавских районов, где скученность, голод и бедность большинства перемешивались с показной роскошью немногочисленной верхушки, где контрабанда становилась необходимым способом выживания, где к немецким патрулям была добавлена еврейская полиция, где существовало подобие самоуправления (подчиненный немцам юденрат), где работали театры и выходили газеты. Однако, как пишет Алексеев, «всему этому не суждено было продолжаться долго. Город был обречен на уничтожение. Через два года после возникновения варшавского гетто все его обитатели: богачи и нищие, рабочие и капиталисты, торговцы и их клиенты, полицейские и преступники, начальники и подчиненные, мужчины, женщины, старики и дети – все погибли в жестоких мучениях, задушенные и отравленные в газовых камерах, сожженные в горящих домах, заваленные в подземных укрытиях, затопленные в канализационных трубах. Их имущество – от токарных станков до золотых зубов – собрали, рассортировали и увезли для дальнейшего использования. Улицы гетто были разрушены, дома сожжены, а выгоревшие коробки зданий – взорваны, развалины – сровнены с землей» (с. 22).

Уже с начала 1942 г. гитлеровцы приступили к разработке планов насильственного уничтожения еврейского населения Восточной Европы. Для этого на территории Польши началось строительство «лагерей смерти», где были убиты сотни тысяч евреев, поляков, русских. В ходе первой акции с 22 июля по начало октября 1942 г. из Варшавы в Трешлинку и другие «фабрики смерти» было отправлено около 300 тысяч человек. Помимо бежавших и скрывавшихся под страхом смерти в «арийской» части города, порядка 50 тысяч оставшихся вынуждены были либо жить в гетто нелегально, рискуя быть расстрелянными при первой же проверке, либо по специальным разрешениям работать на немецкую администрацию в «шопах» – фабриках-казармах и мастерских. В апреле 1943 г., когда был отдан приказ о ликвидации оставшихся частей гетто вместе со всеми его обитателями, вспыхнуло восстание, длившееся до середины мая того же года, хотя отдельные очаги сопротивления в некоторых районах оставались вплоть до лета 1944 г. Плохо вооруженные и необученные люди, ослабленные голодом и болезнями, оказали нацистам сопротивление, которого те не смогли скрыть ни от поляков, ни от всего мира. Одержать победу нацистам удалось только применяя тактику «выжженной земли» – поджигая дома, занятые повстанцами, пуская газ в бункеры или в канализационные трубы, через которые евреи пытались выбраться в Варшаву. Алексеев подробно пишет о деятельности руководивших восстанием организаций – Еврейской боевой организации (ЖОБ) во главе с 24-летним Мордехаем Ангелевичем и Еврейского военного союза (ЖЗВ),

об их связях с польскими организациями Сопротивления – Армией Крайовой и Гвардией Людовой.

Автор книги затрагивает и такую весьма болезненную тему, как реакция польского общества на уничтожение еврейского гетто: несмотря на нередкие случаи помощи евреям и укрывания их от нацистов, значительная часть варшавян в целом оставалась равнодушной к трагедии, которая их «не касалась». И дело здесь не только в исторических причинах антисемитизма в Польше, о которых пишет Алексеев. В связи с этим он цитирует еврейского историка и общественного деятеля гетто Эммануэля Рингельблюма: «Наш упрек, однако, заключается не в том, что не было отмежевания – ни в устном слове (проповеди в церквях и т. д.), ни в печатном – от сотрудничающей с немцами антисемитской бестии, что ничего не было сделано для ослабления впечатления, будто все польское население, все его слои поддерживали выходки польских антисемитов. Пассивность подпольной Польши перед лицом грязной волны антисемитизма – вот что было большой ошибкой в период возникновения гетто, ошибкой, которая будет мстить за себя на последующих этапах войны» (с. 33). Впоследствии варшавяне сами оказались в сходном положении: восстание лета 1944 г. было подавлено в то самое время, когда Красная Армия находилась неподалеку, но так и не оказала существенной военной помощи восставшим, медля с началом наступления.

Одни из самых замечательных страниц в книге посвящены деятельности погибшего от рук нацистов Э. Рингельблюма. Он смог организовать в буквально нечеловеческих условиях целый научный институт, собиравший информацию обо всех сторонах жизни гетто. Сотрудники Рингельблюма собирали сведения об экономике и политике, детские дневники и результаты опросов, фольклор и анекдоты, и на этой основе готовились бюллетени и меморандумы для мировой общественности. Спрятанные во время восстания и найденные при разборе завалов лишь в 1950 г., эти материалы стали важнейшим источником по истории жизни и сопротивления в условиях нацистского террора. Книга В. М. Алексеева, лишь десятилетия спустя после своего написания нашедшая читателя (как и его изданная в 1996 г. монография о венгерской революции 1956 г.), в чем-то схожа судьбой с материалами Рингельблюма. Научная строгость и объективность лишь подчеркивают значимость для нас этих потрясающих человеческих документов, историй страдания и сопротивления. Может быть, и в самом деле «рукописи не горят»?

Я.М.Б.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. Пер. с английского А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998

Переведенная в Петербурге книга крупнейшего английского историка марксистской ориентации (вышедшая на языке оригинала в 1992 г.) принадлежит к самым значительным достижениям современной историографии в данной области. Главная отличительная особенность книги Хобсбаума – рассмотрение нации не просто в строгой исторической перспективе, но и, вследствие этого, – как феномена *недавнего*, тесно связанного с историей Европы последних двух веков: «Важнейшая особенность современной нации и всего с ней связанного – это историческая новизна» (с. 25). В первой главе Хобсбаум подробно, углубляясь в историю понятий, в словари политической терминологии и т. д., показывает, как поздно – лишь во второй половине XIX века – было сформировано представление о политическом, языковом и культурном единстве, которое без расшифровки обозначается сейчас как «нация». Таким образом, любые разговоры об «уходящей в незапамятное прошлое» ис-

тории того или иного народа являются в лучшем случае неоправданной модернизацией: русской, французской, еврейской, индийской и т. д. «нации» как действующего лица истории «незапамятные времена» просто не существовало. Не существовало даже такого важнейшего признака, как единый литературный язык, на котором бы говорила эта самая нация – его еще предстояло создать через всеобщую систему обучения из множества местных говоров, диалектов и «социолектов», распространить в массах за пределами узкого круга образованной элиты. Во второй и третьей главах книги Хобсбаум рассматривает два несовпадающих явления в ходе становления феномена нации: «народный протонационализм» снизу и позицию правительств сверху. Особенный интерес представляет именно этот процесс крайне медленного складывания того, что теперь называют этнической самоидентификацией, именно в самих массах, а не в идеологических манифестациях общественной верхушки. Автор подробно разбирает роль, которую здесь играют религиозный (поляки и ирландцы), языковой (венгры) или расовый (индейцы и африканцы) факторы. Однако все эти показатели – язык, религия или оттенок кожи, любое отличие от «чужих» или даже целая совокупность этих отличий – еще не дают ключа к самому процессу формирования современной нации. По мнению Хобсбаума, необходимым дополнением является национализм, представление о единстве нации – народа – государства; при этом сам национализм является исторической формой глобального процесса осовременивания традиционных обществ. Массы, равно как и элиты, выходят на сцену современности в качестве наций-государств, но параллельно с этим – также и в качестве различных классов и социальных групп с сознанием и интересами (и их комбинациями), совсем не укладывающимися в национальные рамки. Хобсбаум подчеркивает первичность такого национал-государственного национализма по отношению к собственно нации, цитируя Ю. Пилсудского: «Не нация создает государство, а государство – нацию».

Две следующие главы Хобсбаум посвящает трансформации национализма (1870–1918 гг.) и его высшему пику (1918–1950 гг.). Именно тогда доказало свою недостаточность такое понимание нации, которое предусматривало ее полное конституирование («вплоть до отделения») именно в качестве национального государства, – принцип, разделявшийся самими разными политическими деятелями эпохи от Ленина до американского президента Вудро Вильсона, одного из архитекторов послевоенного мира. Обеспечение прав «малым нациям» за счет предоставления им собственной государственности не решило, а лишь усугубило проблему, перенеся ее вовнутрь этих уже уменьшенных государств, – вопрос о границах или новых меньшинствах не мог быть снят. «Логическим следствием попытки создать континент, аккуратно разделенный на самостоятельные государства, каждое из которых имело бы этнически и лингвистически однородное население, стало массовое изгнание и уничтожение меньшинств. Именно таким было, есть и будет кровавое *reductio ad absurdum* национализма в его территориальной версии, пусть даже это стало очевидным лишь в 1940-х годах» (с. 211–212). Автор подробно рассматривает изменение политической направленности национализма – от преимущественно правой в конце XIX века до левой и антиимпериалистической после 1917 г. – в антифашистском варианте Народного фронта или в случае деколонизирующихся наций.

Резюме последней главы – вы-

вод о том, что в современную послевоенную эпоху принцип национальности все более начинает отходить на задний план, – сам Хобсбаум признает неожиданным и в то же время подкрепляет достаточно вескими аргументами. Помимо роста количества меж-

и наднациональных государственных и, главное, общественных объединений, он указывает на растущую проблематичность самого понятия нации. Проблемы чернокожих граждан США или иммигрантов в Европе в принципе не могут быть решены путем образования особого территориально выделенного анклава: вопрос об этнической принадлежности не покрывает собой всей совокупности жизни человека в обществе, он связан со множеством иных аспектов социальной идентичности и в перспективе перестанет быть первым среди них. В эпоху распада Советского Союза на национальные республики или югославского кризиса – это подчеркивает и сам Эрик Хобсбаум – подобные упования могут казаться преждевременными и прекраснодушными. Недаром во Введении Хобсбаум цитирует слова Э. Ренана: «Ошибочный взгляд на собственную историю – это один из факторов формирования нации». Однако само появление подобных книг – и на русском языке тоже – говорит о том, что усвоение объективного взгляда на собственную историю и историю дальних и ближних соседей становится столь же неотъемлемым фактором дальнейшей жизни современных наций. В конце концов «ясно обнаружится, что быть «англичанином», «ирландцем», «евреем» или вмещать в себе все эти характеристики – это лишь один из многих способов самоидентификации, к которым прибегают люди в зависимости от конкретных обстоятельств... Сам факт, что историки начинают делать известные успехи в исследовании и анализе проблем наций и национализма, наводит на мысль, что в этом – как и во многих других случаях – пик изучаемого ими феномена уже позади. Сова Минервы, несущая мудрость, вылетает, по слову Гегеля, в сумерки, и то, что теперь она кружит над нациями и национализмом, есть добрый знак» (с. 304–305).

Я.М.Б.

Pankowsky R. Neofaszyzm w Europie Zachodniej. Zarys ideologii. Warszawa, 1998.

Опубликованная в прошлом году в Варшаве книга Рафала Панковского посвящена эволюции идеологии фашизма. Автор предпринял попытку рассмотреть развитие фашистских идей в связи со сменой исторических периодов. Безусловный интерес представляет анализ изменений, которые фашистская пропаганда претерпевала в ходе второй мировой войны, так же как и пестрая картина послевоенного фашизма в разных странах Европы. Отдельная глава посвящена проблеме, необычайно важной для осмысления современных общественных процессов: стремлению различных неонацистских и ультраправых партий и группировок придать легитимность своей деятельности и отмежеваться от компрометирующих их связей.

Не все выводы автора бесспорны: так, например, можно не согласиться с его утверждением о том, что «фашизм главным образом западноевропейский феномен» (с. 132), привнесенный извне в другие, в том числе восточноевропейские, страны. Но тема, выбранная автором, вряд ли допускает налицо только одной трактовки, и проделанная Рафалом Панковским серьезная исследовательская работа – необходимый шаг для понимания феномена фашизма во всех его разнообразных проявлениях. □

Предвыборный плакат, призывающий избирателей голосовать за великую Германию (апрель 1933 г.). Иллюстрация из русского издания книги Хобсбаума

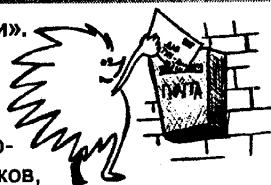
Здравствуй, редакция «Тум-балалайки».

Очень рад, что ты откликнулась на мою просьбу и выслала экземпляр своей интереснейшей газеты. Мне, пока обычному школьнику, приятно было познакомиться с творением единомышленников, посвящающих себя антифашистской борьбе. Особенно хочу выделить статью «Марш коричневых» Ивана Стритфайтера — образец сердечного призыва к здравому смыслу и свободной воле всех пассивных и нерешительных граждан, по тем или иным причинам сторонящихся дать реальный отпор фашистской угрозе.

Надеюсь и верю, что защищающий свое будущее нормальный гражданин в своих действиях не перейдет той кровавой границы, за которой начинается реакционное безумие, ничем, в сущности, не отличающееся от фашистского фанатизма. К сожалению, Россия сейчас слишком отклонена в обратную сторону, все сильнее приближаясь к радикальному экстремизму полного беспредела и варварства нацистов. Страшно наблюдать, как антисемитизм начинает устанавливаться даже в нашей многонациональной и издавна терпимой к соседям другой крови Ростовской области. Позор всем нам, допустившим новочеркасский съезд и макашовские выходки, и стыдно за когда-то великое донское казачество, выродившееся в трясущих кулаками нацистских пособников. Прикрывающиеся добрым именем казачества, растерзанного некогда советской властью, эти маргиналы готовы сейчас состязаться в хулиганских и экстремистских речах с коммунистом Макашовым, принимая на ура его варварские замашки. Не могу не сказать резких слов в адрес ростовской прокуратуры, за всю власть подписавшейся в своей несостоятельности или, верней всего, в скрытой поддержке антисемитизма.

На этом прощаюсь с вами и жду вашей следующей газеты. Искренне ваш,

Роман Х.
Ростов-на-Дону

В «Тум-балалайке» № 10 на с. 25 в материал, озаглавленный «Я пью за русских женщин всех национальностей...», вкралась озорчатая печатка: В. П. Эфроимсон был назван В. П. Эфроном. Приносим автору статьи С. М. Винаверу и читателям свои искренние извинения.

Учредитель:

Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург,
Разъезжая ул., 9

Отпечатано при поддержке общественной организации
«Гражданский контроль»
191186, Санкт-Петербург,
Малая Конюшенная ул., 5

Адрес редакции:

189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, а/я 8.

Пожалуйста, не пишите на конверте никаких имен, а также слов «газета», «Тум-балалайка», «Мемориал». Это ведет к конфликтам с работниками почтового ведомства. Если вы хотите прислать нам посылку, бандероль и т. п., предварительно свяжитесь с нами и выясните, как это лучше сделать — иначе у нас возникнут трудности с их получением.

«Тум-балалайка» в Интернете: <http://igel.da.ru>

Тираж 500 экз.

Любые перепечатки приветствуются.
Просим по возможности ссылаться на источник.

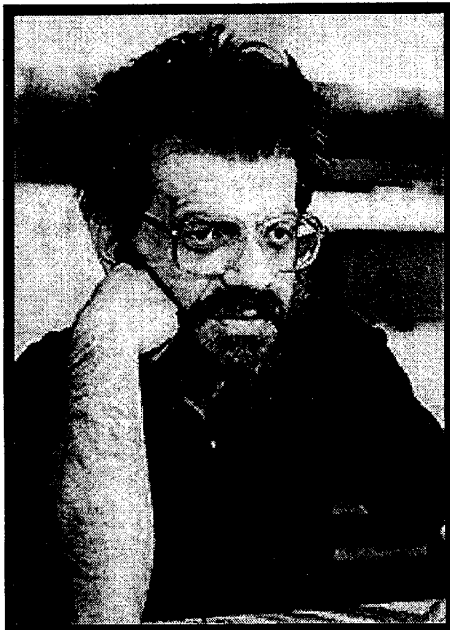
Памяти Эммануила Соломоновича Менделевича

11 января 1999 года на сорок шестом году жизни от инфаркта миокарда скоропостижно скончался Эммануил Соломонович Менделевич, журналист, публицист, один из достойнейших борцов со всеми формами фашизма, ксенофобии и национализма в современной России.

Эммануил Менделевич жил в и работал в Орле, в городе, где фашисты сотрудничают с городской администрацией. Проведенная Э. Менделевичем работа огромна: благодаря его репортажам и аналитическим статьям ситуация в Орле регулярно освещалась как в провинциальных, так и в столичных газетах и журналах. Читатели «Тум-балалайки» наверняка помнят ряд его статей о процессе над главой орловского РНЕ. За несколько месяцев до смерти Менделевича вышла его книга «Свастика над городом первого салюта».

Известный журналист, он никогда не отказывал в помощи и совете начинающим коллегам, делился собранным материалом с малотиражными изданиями.

Имя Эммануила Менделевича было хорошо известно не только людям, разделявшим его взгляды: ему были знакомы и обвинения в умышленном нагнетании страстей, и прямые телефонные угрозы фашистов. И тем не менее, до последних дней жизни он с прежним

мужеством и упорством продолжал свой нелегкий труд.

Эммануил Соломонович Менделевич родился в Орле 27 февраля 1952 года. Он получил образование на историческом факультете Орловского пединститута, где в 1972 году был исключен из комсомола за антисоветские высказывания. Не имея возможности

преподавать в школе, с 1979 года работал на сталепрокатном заводе мастером в крепежном цехе, контролером, слесарем-ремонтником 4 разряда.

Только в 1991 году Эммануил Соломонович, эрудит, автор статей по истории и литературе, получил возможность работать по специальности и стал учителем Священного Писания и истории в еврейской воскресной школе. В последние годы и даже дни своей жизни он преподавал историю цивилизаций и основы прав человека в лицее «Магистр».

Эммануил Менделевич был активным участником демократического движения в Орле: он был членом «Мемориала» с 1988 года и «Демократической России» с момента ее создания, работал корреспондентом московской правозащитной газеты «Экспресс-Хроника» в Орле с 1989 года.

Те, кому посчастливилось встречать Эммануила Соломоновича, никогда не забудут его принципиальность и эрудицию, жизнерадостность и остроумие. Его имя навсегда вошло в историю современного российского антифашизма и в благодарную память тех, кто продолжает борьбу за гуманистические ценности, за которые всю жизнь боролся и Эммануил Соломонович.